АНДРЕЙ

КОЧЕРГИН

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ-2 и 1/2

Абсолютная беспощадность... по отношению к себе!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семидесятые годы, неспокойный и грязный пригород Челябинска.

Воспитывала мальчика мать, которая работала на двух работах. Точнее, не воспитывала, а иногда вполне педагогично порола за шалости и плохие отметки. Отец пил и бил мать. А мальчика били «плохие ребята из соседнего двора».

В школе мальчик старался не выходить из класса — могли напасть старшеклассники, хотя и однокашники времени даром не теряли. Ужас, одним словом. Долгий, бесконечный, холодный ужас каждую секунду, каждый день на протяжении нескольких лет подряд.

Но однажды мальчик сделал выбор. Он хрипел от ярости и подступающих слез. Под руку попался паренек с хулиганскими наклонностями, улыбочка, которого была стерта вместе с чертами лица ударом неожиданной силы.

В этот момент, наверное, и родился Боец.

- Кочергин А
- Вместо предисловия
- Вместо пролога Это не должен знать каждЫЙ
- 1. День рождения
- 2. Окно
- 3. 29 руб
- 4. Запах
- 5. Голова сдохла…
- 6. Dream, sweet dream…
- 7. МС СССР
- 8. Учебник истории
- 9. Первый
- 10. Сера, разведенная в масле
- 11. Флаг родины
- 12. Клоун
- 13. ЧЕСТЬ СТАРОГО САМУРАЯ
- 14. Воздух, кровь и свет
- И 1/2 Письма не про любовь
- Вместо эпилога. Щенок бультерьера
- P. S. По ком звонит колокол
- notes
    - 1

Кочергин А
Как закалялась сталь-2 и ½

Как закалилась эта «сталь»? Откуда появился «мужик с топором»?

Читайте: это жестокий и честный рассказ о том, как тщедушный мальчик, буквально сломав себя через колено, стал в итоге мужчиной, стал бойцом и прямо-таки «шайтан-каратистом». И наконец понятно, откуда все Это — то, что изумляет, во что веришь, чего боишься, что любишь, что ненавидишь, ради чего умирают…

«…Вы хотите стать бойцом, вас влекут победы и ликование, вы хотите стать лучшим из лучших. Вы хотите этого?! Подумайте, какую цену придется вам заплатить, потому что вы станете чужим для подавляющего большинства Нормальных людей…

И не дай вам Бог упасть… А вы обязательно упадете в конце этого Пути! Как падали все до вас!

Вы готовы к этому? А зачем это вам? Ответьте себе на этот вопрос — ответьте честно и найдите в ответе высшую причину Потому что без нее вам суждено однажды лежать, глядя в одну точку, понимая: ВСЁ кончилось. Вы просто ошиблись когда-то…

Драка ради драки — психическая болезнь. Отсутствие любимых глаз, верящих в тебя, — приговор…

И все-таки вы решились? Тогда вперед — и только вперед! Отсутствие выбора крайне упрощает выбор! Бог милостив к идиотам… Аллилуйя!

Люди! Пожалуйста, любите нас. Мы пугающие, нелепые существа, исполненные дебильных добродетелей и стремящиеся к идиотским ценностям.

МЫ — БОЙЦЫ! Простите нас за это».

Выражаю искреннюю признательность за финансовую поддержку родному «ЗапСибГазпрому» и лично — генеральному директору и моему брату Сергею Бадюку. Аллилуйя!

Вы спрашиваете меня, имел ли я моральное право писать «Мужика с топором». Надеюсь, я ответил..

Вместо предисловия

Внимание! Дамам не читать! ЭТО не литература! Это скорее букетик лютиков с городской помойки!

Единственным оправданием ЭТОМУ служит тот факт, что все описанное имело место быть; даты, имена и события подлинные, а из жизни и из песни слова не выкинешь.

Автор никого ни к чему не призывает, и даже название выбрано из хулигански-иронических побуждений, поэтому читать следует с долей иронии — иначе читателя может просто стошнить.

Но, несмотря на очевидную грязь, все ЭТО сделало из перепуганного мальчика мужчину. Возможно, ЭТО пригодится кому-то еще.

Искренне прошу прощения за явное позерство, хамство, казарменный юмор и сленг.

Вместо пролога Это не должен знать каждЫЙ

Что кроется внутри у мужчины?

Да то же, что и у женщины, но более приземленное и прагматичное, меньше на ребро и крупнее в печени, — скажете вы и, будучи правыми, все же ошибетесь. Мужской мир — это не осколок зеркала, отражающий безупречность мироздания, и уж точно не примитивность устройства пищеварительного тракта, через который, по слухам, лежит путь к его сердцу.

Мужской мир — это буря страстей, в большинстве своем немотивированных, странных и порой пугающих.

Так что же такое мужчина, что за существо, пичкающее себя героикой и карьеризмом, водкой и венерическими болезнями, ищущее приключений и боящееся старости?

Если женщина — это клубок страстей, то мужчина — их биохимический детонатор.

Кто или что движет мужскими желаниями, поступками и решениями?

Думаете, легко быть сорокалетним, слегка и кое- где известным, крупноватым уродом, с благоприобретенным пузом, отвислыми до коленок ягодицами и одутловатой мордой головы? Думаете, это не подвиг — существовать рядом с высокими, голубоглазыми, и не побоюсь этого слова, 80-килограммовыми блондинами, имеющими чудовищную мускулатуру перворазрядников ГТО и копченые в соляриях кожные покровы?

Еще какой подвиг! Расхожее заблуждение насчет того, что дяди — это вам не тети в части мнительности, неверно в корне и в стебле. Любителям-лю- доведам ошибочно кажется, что дядям плевать, какого цвета их похмельное лицо и чем именно пахнет у них между пальцами ног. Поверьте: никакие ожиревшие бумажники, золотые кредитки и профессиональные навыки, помогающие делать «чиииз», не смогут заменить обычной человеческой внешности. Того самого внешнего вида, который в детстве- юности практически не оскорблял своим броским убожеством окружающую среду без учета ее половой принадлежности, возраста, социального статуса и политических взглядов.

Вывод первый. Дядям остро хочется беседовать не о том, что у них все в порядке на службе, а о том, что у них приятные, а не зверские черты лица, отличный, упругий член и мутированный в кубики пресс.

Не имея конструктивно хотя бы одного из перечисленных пунктов, дядя начинает гнобить себя и окружающих, убиваться на работе и скандалить в быту. С ним следует лечебно поговорить и желательно срочно понять: о чем это он? Понять если и не умом, то хотя бы деланным выражением лица. Мужчинам совершенно необходима даже незатейливая взаимность общения, без оной взаимности они тупеют, стареют и бодро спиваются. Как там у Пани- ковского: «Пожалейте меня, Шура! Я старый! Меня девушки не любят».

Уточнение. Откуда при такой сумасшедшей должности берется время на оттягивание до нуж- ного размера старины, которой необходимо «тряхнуть»? И каким безответственным овощем нужно быть, чтобы вместо командировки в Норильск или дежурной пьянки с очередным генералитетом порхать по тренажерному залу или того хуже — «валять своего дурака» на Ибице или Гоа в самый солнцепек… финансового года?

Впрочем, следует сразу уточнить. Не все имеют право участливо заглядывать дяде в перемазанное чувствами лицо и хлопать его по плечу. Объективным ограничением в радостях взаимности была и, надеюсь, будет половая ориентация. Мир стремительно запинается, наступая на любимые грабли всех «золотых веков». Современная модность и стильность — это уже и намек на перчинку в ориентации «низа спины».

Кумиры пипла в разные годы были барометрами народных половых пристрастий. Если раньше подросток онанировал на фото Зыкиной, то теперь делает это, по запарке, на стилиста Зверева. Не крутить задницей на «голубом (!) экране» сейчас может позволить себе лишь олигархический и уже не симпатичный вокалист Кобзон. Все остальные вполне замечены, сочувствуют, ну или не видят ничего предосудительного в некоторых богемных шалостях.

— В самом деле, уж если именно этим местом мы гадим, то от присутствия более романтических диаметров хуже не будет. Тем более, как говорят, «это» помогает для профилактики простатита и «это» — доказанное средство от запора. (Не автор!)

Нет уж — нах!.. Как хорошо, что у меня пузо, все признаки люмпен-пролетарского происхождения налицо и бритый затылок. Как мило, что я совершенно не вокалист-визажист, впрочем, и не па-де-дун-парикмахер! Это дает основание полагать, что даже полная невменяемость моей тушки, вследствие затяжной алкогольной усталости, не даст даже повода злобным педрилам надругаться над моим пищеварительным трактом в его апогее! Они же типа эстеты задних проходов, а не зоофилы.

О чем это я?..

Ах да, о чарующей красоте и ее оскорбительном отсутствии.

Многие глупости и злодейства мужчина совершает лишь потому, что у него скверный характер, ухай- даканный в результате эволюционных изменений под воздействием традиционного гастрита, перманентного бодуна, не размеренного образа жизни и столь же не размеренных, а точнее, отсутствующих взаимных привязанностей к милым дамам.

Поверьте старожилу: как только в этой стране перестали трахаться за «прокатиться на вишневом авто, роза плюс бутыль полусухого», страна потеряла нечто большее, нежели банальную наивность. Наша любимая Родина рассталась не только с трогательным общественным целомудрием и невинностью, но и с любительским половым азартом. С тягой к вечным гормональным ценностям, с неувядаемым поиском острой, чувственной любви, конечной целью которой была именно влажная и трепетная связь, пускай и на заднем сиденье легендарного авто — длиннокрылого «ВАЗ-21093».

Теперь же связи стали либо порочащими, либо мобильными. Все остальное, за редким и оттого интригующим исключением, превратилось в скрытые и явные формы проституции. Арендовать себе тетку на час или пригласить малознакомую девицу на Мальдивы за ключи от SLK — это все равно, что прикупить себе на пару дней олимпийскую медаль в ожидании школьных друзей из Сарапула. Американские деньги за минет — фу, как низко и скучно! Ущербно и фальшиво — оттягивать и мусолить во рту «отечественного производителя», не испытывая к нему трогательных чувств! Преступно тратить килокалории, столь необходимые в цехах и на пашнях, и поедом глотать генофонд, да еще и не в порыве нежной страсти и не с голодухи, а преследуя меркантильные цели.

Итого. Проект судебного решения: «Минет, исполняемый за бумажные деньги вероятного противника, приравнивается к каннибализму в пользу семи иностранных разведок! В рафинированном 1937 году — статья № 58, прим. Расстрел!»

Странное дело, но судьбы Родины, при всей абстрактности данного термина, живыми струями пересекаются с судьбами людей, населяющих эти неухоженные и диковатые просторы.

«А что есть Родина?», — спросит очкарик-космо- полит, заранее заготовив в кармане фигу, крепкую, как чирей. Ему проще — от него чесноком пахнет и, помимо реального места дикорастущего произрастания, у него есть запасной аэродром в виде «исторической Родины», что еще более абстрактно, интригующе и таинственно. Если следовать этой логике и преданиям Священных Книг, то среднестатистический забулдыга

вполне может претендовать на свои положняковые 20 кв. метров в Эдеме. Тем более что историки и теологи все более сходятся в мысли, что Рай мог быть где-то на Земле. Уж если удалось уговорить ООН на расчленение Палестины, то, при наличии доброй воли и лоббирования, вполне возможно пойти и в более глубокие исторические слои.

А вообще, если не брать для рассмотрения вселенскую Родину и остановиться на персональной, то она (для тех, кто постарше) всегда была V6 частью суши, просмотром программы «Время», политинформациями по понедельникам и материалами съезда в печати.

Те, кто поглупее — то есть помоложе, — витают в странных антиглобалистских категориях и не любят «Макдональдс» как угрозу территориальной целостности и суверенитету чего-то там такого.

На самом деле ни то, ни это не есть то, что можно любить. Если вы, конечно, не вуаерист-географ или политолог-мастурбатор. Мне совершенно безразличны карты, глобусы и пыхтение жуликоватых политиков. Именно они, единственные в своем роде, — профессиональные любители Родины, то есть делающие «это!» за деньги — очень большие, надо отметить, деньги!

При слове «Родина» мне гораздо ближе и понятнее отношение к нашим старикам и собственным родителям. Одиноким людям, доживающим этот странный век в щемящее время в родных городках и протягивающим сухонькую руку на вокзалах неуютных мегаполисов.

ЭТО И ЕСТЬ НАША РОДИНА! Это наши старики, родившие нас, и рожденные нами дети. Рожденные то ли от маниакального безрассудства, то ли от запредельной решительности, то ли от дурманящей любви. Но если наши дети лишь открывают этот фальшивый мир, читая сказочное вранье, то наши старики уже во многом закрывают его, как занавес глуповатой оперетки. Закрывают, смотря нам в спину и ожидая только одного… «Может, хотя бы у этих что-нибудь получится? У нас-то не получилось». Когда мы говорим о любви к Родине и не бубним пошлые и заезженные до кариеса фразы, то скорее всего мы говорим об острой любви к своему двору, школе, маме и соседской девчонке, подарившей нам первые, холодом сжимающие живот, чувства именно любви!

Родина внутри нас, как запах маминой комнаты, — это не вынуть и не поменять, как увядающую в болезнях почку. Либо что-то не так с нашим сердцем или тем, что называется еще более туманным понятием, — Душа. Я до странности русский человек,

хотя генетически имею вполне обоснованные кочевые и узкоглазые корни, что не хорошо и не плохо. Куда меня теперь, кривоногого?! Ну не Монголию же мне теперь обожать?!

Примечание. Люди, поменявшие… нет, не Родину, а место дислокации, остаются инвалидами навсегда. Не верите — спросите их сами.

Как русский человек, я хочу понять, что есть мой русский народ. Дабы уточнить, на хрена я-то ему нужен и в каком таком секретном месте? Кто я и куда мы идем, дружно перемешивая грязь под нашими привычными ногами, задрав глуповатые лица к солнцу, чтобы не видеть, как в это время шарят по нашим карманам? Вера в правительства и руководителей — это для России рке даже не смешно. Вера в светлое и неясно откуда берущееся будущее слишком наивна для взрослого человека, требующего исходных данных для подтверждения прогнозов. Поэтому эволюционное развитие не есть исторический контекст этой бесновато-блаженной нации. Ей нужны потрясения и бунты, войны и мятежи — лишь в них мятущаяся в своих жертвенных крайностях русская идея находит поле для истерически-гениальной деятельности. Все-таки мы азиаты — дикие и совершенно не предсказуемые для западных прагматиков.

Даже религия у нас редкая — ортодоксально жертвенная, не дающая обещаний и не помогающая в бытовухе, но подвижническая и героическая в своем абсолютизме и истовости. Греческие батюшки рке вполне могут разговаривать в Храме Гроба Господня по сотовому телефону. А на питерской могиле Батюшки Иоанна Кронштадтского стоит именно гробовая тишина, и сжимается сердце от вида больных детей, с мистическим спокойствием и удивительной верой целующих священные камни надгробия.

Наши дети знают нечто такое, чего уже не знаем мы, очерствев в кровопролитных боях с собственным идиотизмом, плохой погодой и пьющими соседями. Не надо бежать в православные храмы, не нужно заставлять себя поверить, как совершенно бесполезно заставлять себя пукнуть, не имея на то объективных предпосылок. Совершенно безнравственно призывать людей идти в «единственно правильную Церковь». Вполне достаточно заняться именно собой как объектом нравственного воспитания.

Но несравненно большее счастье — это всего лишь почувствовать в Храме присутствие Господа и ощутить всю никчемность и суетность мира, в сравнении с подвигами Людей, считавших себя при жизни всего лишь «грешниками» и отдавшими земному подвигу ради Веры все, что смогли найти в

себе светлого и самою жизнь.

Зачем Вера именно мне?

Для относительного анализа и душевного равновесия, которое нужно всем — от юнги до капитана и корабельных крыс. Шаткого равновесия, когда палуба посудины «Великая Россия» так бодро кренится из стороны в сторону. Если не иметь в руках связующего с мачтой «конца», то… За борт! Так что, когда меня одолевают сомнения, мне достаточно взглянуть на проблему в ее историческом, религиозном контексте для того, чтобы тут же наткнуться на простой и внятный ответ.

Многие годы, проливая чужую и свою кровь, я поневоле ужасаюсь тому, что делаю. НО!..

Блажен тот, кто жизнь свою за ближнего своего кладет.

Не в силе Бог, а в Правде.

Я не нашел оправданий, но «всего лишь» понял, что делал «все это» не от плохого характера или болезненного садизма, а незатейливо выполняя свой долг перед страной и людьми, ее населяющими. Более того, как православный человек, я уже долгие годы получаю благословление от моего духовника, что вообще позволяет чувствовать ответственность и принимать решения не интуитивно и по обстоятельствам, а умополагать, через осмысление и осознание — так, кажется, трактуется деятельность сознания в философии. Совершенно уверен в том, что духовник нужнее учителя, поэтому ни разу не видел ни одного человека, который сам научился читать, и много раз слушал бесноватый бред самонадеянных интеллигентов-теософов, которые «в Бога верят, но в церковь не ходят» (это Чехов сказал).

Вывод номер два. Помните о родителях, не забывайте о детях — своих и чужих, рожденных на этой земле, и вы будете остро и трепетно любить свою Великую Родину! Прочь фальшивые и натужные лозунги. Не надо лепить из меня худшее быдло, чем я есть… Руки прочь от пузатых лохов — они умнее, чем выглядят!

ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ! Все остальные лозунги в этой стране не существенны и лицемерны.

Что есть женщина в повседневном обиходе неюжного («не очэн горачэго») и занятого дяди Средней полосы и Нечерноземья?

Тетя, в своей подавляющей массе, — существо циничное, недалекое и назойливое, как потные подмышки в шерстяном свитере. Как только вам есть что делать, даже если вы всего лишь вольный сборщик пустых бутылок, женщина становится серьезным раздражающим фактором, отнимающим время, требующим кормежки и ухода, несоразмерного своей значимости.

Зачем нам эти бабы, если в ближайшие полчаса мы их точно

не захотим, а через час у нас важная встреча с коллегами за банкой пива?!

Пример? ОК! И не смейте врать, что с вами такого не было!

…Поздняя осень золотая. Мчитесь вы, к примеру, на авто бизнес-класса. На вас приличный костюм от «имени», свежевыбритое лицо пахнет, чем положено «в нашем кругу», галстук — как выстрел в сердце. Ну просто хирург-травматолог женских сердец, чаровник-любовник!..

И вдруг… Она!.. Стоит и трогательно машет крылом на обочине. Причем отчетливо выводит рукой: «Только Ты, милый, только Ты!.. А то прокладка уже в инее, и губы через помаду посинели!»

Ваш любимый размер, ваш любимый цвет, запах парфюма режет глаз даже через лобовое стекло. Удивительно, почему это не видно лобка при такой минимизации роскошной юбки на вершине чудовищно длинных ног?!

«Ну все, — думаете вы. — Это, мля, судьба!.. Это надо же, как удачно! Ну вот прямо день рождения какой-то».

Хотя… Ну вот сядет эта кукла, хлопнет дверью, как в амбаре, и начнет сидение дергать туда-сюда, в зеркало пялиться… А потом как затянет пургой заметать про тяжелую женскую долю и намекать на устройство судьбы и парковку ее жопы на вашей жилплощади. А ехать не иначе как на Ржевку, если вообще не в Колпино. Потом, поняв, что замрк не берут, она соврет телефон, а если даже и не соврет, то начнет канючить оплату мобильника, вещать о расходах на малярные работы лица и капремонт фигуры, клянчить годовой абонемент в надутый фит- нес-клаб и так далее по списку.

…Проезжая мимо, вам захочется высунуть харю за пределы бибики и рявкнуть наболевшее:

– «На гуй! На гуй», — кричали голодные пионеры и бросали в ворону палками.

Но вы воспитанный, взрослый карапуз, вас мама с папой в цирк водили и книжки про Цокотуху читали. Вы, чуть сбавив скорость и трахнув томную даму глазами, манерно проедете мимо.

— Пидор!.. — процедит тетка.

— Шшшлюха!.. — прошипите вы…

Оба правы, оба в курсе, как именно оно бывает. За спинами обоих серьезная предварительная история болезни в части наивности и разочарований, взрослое знание жизни и огрубление тонких струн души до тембра иерихонских труб.

Того самого тембра, которым хочется орать совершенно посторонним людям, призывно размахивая руками:

— Почему мы не любим друг друга, почему ищем способ объегорить, обшманать и выкрасть чувства, деньги, здоровье, годы и жилплощадь?!

Неужели романтика и ветреность уже никогда более не коснутся наших седеющих и мелированных голов, а удушливый трепет внезапного желания не разорвет брюки и не промочит негой стринги от La Perla?

Неужели, выкинув на помойку старые джинсы, мы в запальчивости выкинули, что для «охотника, рыбака, любовника и дурака — пятьдесят километров не крюк!»?

Неужели мы научимся затравленно пялиться в порносайты и раздевать липкими взглядами майских школьниц, которые иначе как «дядя» вас уже не назовут?

Неркели мы настолько далеко убежали по этой необратимой дистанции?..

Кстати, коллега, вы не знаете, зачем мы так резво бежали, а главное — от кого, бодро стартовав в сопливые семнадцать, спеша отпустить жидкие усы и самодовольно разглядывая черный мох на лобке?

Лобок уже седеет и подстрижен, а девушки, любившие нас молодых, куда-то исчезли без следа. Ушли, не оставив записок и запаха духов на холостяцкой подушке. Видимо, они были из другой истории или просто снились нам в удушливых и прекрасных снах. Одно ясно: им не место в сегодняшней гонке со странным финишем, они отправились в чулан — туда, где рке лежат наши деревянные лыжи, ржавые коньки и дерматиновый портфель.

Самые прекрасные девушки исчезли, все же успев научить нас любить.

Вывод номер три. Прошлое всегда прекраснее настоящего и уж точно полезнее неясного будущего, да вот только на кой хрен оно нам теперь нужно? Писюку теребонысать, предаваясь воспоминаниям на краю унитаза?! Вот уж увольте!

Женщина в итоге — это то, без чего мужская жизнь теряет всякий смысл, и то, что настоящего мужчину должно тревожить и привлекать до гробовой доски. Эта же самая женщина есть изуверский набор головняков а-ля «вырванные годы»! Если верить старине Энгельсу, то «равновесие есть продукт борьбы», в данном случае борьбы за женское сердце, с сопутствующими женскими закидонами.

Мужчина либо сильный, здоровенный и красивый, либо — нет. Это очень странно, потому что, как ни втягивай живот, он почему-то предательски круглится, и очень трудно врать недоверчивым и начитавшимся про городских маньяков

колхозным нимфам, что ты аспирант того же ВУЗа, куда они поступили учиться на агронома.

Заниматься спортом нужно и должно. Если даже дела не идут, а скорее, регулярно спотыкаясь, падают и жизнь никак не отнесется к вам серьезно и шутит по-черному — даже тогда, отдавая силы на собственный хотя бы физический рост, мы доказываем себе, что еще борозды не портим! Молодые поднимают брови, поглядывая украдкой на штангу и неохотно вставая в пару к ветерану-ко- лобку, неудобному и корявому, как старая батарея. Уже ветеран… Слово-то какое дряблое, почти как пергамент.

А знаете, как все начиналось?

Ну, про спорт, каратэ и т. д.? Не знаете. Ну да откуда вам… Это сейчас кажется, что каратэ и прочая и прочая было всегда, и ничего таинственно чарующего в нем нет, потому что секция. Но было-было время золотое… Когда от незнания и возбуждения даже Брюса Ли относили к каратэ, и в прессе шла нешуточная дискуссия о том, как все же правильнее его называть: «каратист» или все же «каратэист». Представьте всю глубину и серьезность этих фундаментальных проблем образца 1978 года!

Рискну утомить вас историей своего спортивного становления.

Сказать, что в эти годы каратэ перевернуло жизнь миллионов молодых людей — это не сказать ничего! Более чем уверен, что, не будь этого «глотка свободы» в конце семидесятых, перестройка и крах тоталитаризма, возможно, были бы нам еще незнакомы…

Даже уже не очень помню, откуда и как прилетела первая новость о существовании подпольных секций каратэ, но она, эта новость, тут же обросла фантастическими домыслами и слухами.

Первый раз я увидел каратэ в Доме пионеров — от волнения просто чуть не задохнулся. Настоящий сенсей, весь в кимоно, вел занятия, говорил какие- то непонятные слова и как бы между прочим совершал таинственные телодвижения явно смертельного содержания, судя по выражению его лица. Зрителей-подростков, сиротливо жмущихся у дверей в зал, это просто повергало в священный трепет.

Короче, в тот раз меня не взяли. Впрочем, как и в следующий, как и в десятый. Но желание заниматься стало просто навязчивой идеей. Чтобы не тратить время попусту, по совету бывалых друзей я «набивал кулаки», точнее разбивал их о стену, чем вызывал более чем бурную реакцию соседей, ошалевших от маниакальной «морзянки», вколачиваемой в не вполне надежную перегородку.

Говорят, мысли материальны. Стоило мне поступить в техникум и понадеяться на то, что, может, в нем есть группа, как

я тут же увидел объявление о наборе. Чуть в обморок не рухнул от щенячьего восторга — хорошо, хоть без золотистой лужи обошлось!

Николай Шеменьов — это мой первый тренер и по сию пору Учитель. Он преподавал то каратэ, которое ему виделось, и делал это самозабвенно и творчески. Возможно, минимум информации, возможно, незашоренность и отсутствие «руководящей и направляющей линии» сыграли свою роль, но методическая база, заложенная в нас, оказалась более чем оригинальной и революционной. Претерпев вполне понятные изменения, она сохранила основные педагогические и системные ходы, призванные обыграть любое техническое действие со всех сторон, не боясь потратить время на подводящие упражнения. Полноконтактный способ ведения боя уже тогда казался нам единственно верным решением.

Время было трудное, группа осталась без зала, пришлось, уже имея некоторый опыт, шляться по другим тренерам, но там каратэ было коммерческим, а студент — человек мало обеспеченный, так что ни по сердцу, ни по кошельку не пришлось нигде. Стало уже совсем грустно, когда Коля предложил перейти в «Динамо» к А. В. Горбунову.

На то время динамовская школа каратэ по праву считалась лучшей на Урале — я даже как-то растерялся от такого дерзкого решения. Не очень помню, почему меня взяли, но одно понял сразу. Здесь царил дух соревнований. В «Динамо» все было лаконично и сдержанно, здесь чувствовалось уже не японское «боевое искусство», а «советская спортивная школа» в ее лучших проявлениях. Первые соревнования — кажется, первенство города — я выиграл, к немалому своему удивлению. Хотя чему удивляться? Все еще только начиналось, и можно было выиграть турнир после всего-то года тренировок!

Сейчас в России сотни клубов занимаются популяризацией каратэ, исповедуют пару десятков стилей, имеют сотни — сотни! — чемпионов страны, мира и Европы, но рке никогда эти ребята не будут первыми на этом Пути! Нам повезло больше — мы стали первыми из тех, кто вышел на татами, кто подчас комично, а подчас и трагически сделал первые шаги в этой стране по Великому Пути постижения каратэ. Конечно, сегодняшние спортсмены лучше, техничнее и подготовленнее нас тогдашних, но стоит напомнить, что таковыми они стали благодаря тому, что такие люди, как Н. А. Шеменьов и А. В. Горбунов, по сию пору занимаются тем, порой неблагодарным, делом, которое они считали самым важным еще в далекие семидесятые.

Я счастлив тому обстоятельству, что встретил таких тренеров

и начал свой Путь в каратэ рядом с такими бойцами, как Дмитрий Обухов, Олег Строганов, Дима Ивлев, Алик Салимов, Алексей Нохрин, и еще многими другими, кто рке есть история советского каратэ.

(От пафоса и сердечности вышеизложенного засвербело в носу, и скупая мужская сопля радужно стекла на татуированную драконами грудь. А ведь правду говорят потерпевшие: все маньяки сентиментальны, словно испорченные кокаином гимназистки.)

Вывод четвертый. Мужчине необходимо пережить что-то настолько важное, что могло бы сказать ему, кто он и откуда родом, хотя и так ясно, что все мы родом из детства.

Вполне заумно и многословно разобравшись с бабьем (в утонченных терминах) и сопутствующими категориями, не грех поговорить и о приятном, то есть о машинах, оружии и сексе.

Именно три этих маячка, по утверждению бывалых дядь, безоговорочно указывают на то, что данный мачо — на верном пути. То есть он на авто, вооружен, манерно небрит и брутален. В таком случае он вполне обоснованно мчится порвать анус очередному Змею Горынычу и в качестве спешиал бонуса трахнуть его Бабу Ягу в извращенных формах и с особым цинизмом.

Авто. Бибика не должна быть скоростным аналогом самоката. Пускай лохи гоняют на отечественных замарашках. Для мужика с потенцией авто — «это логическое продолжение члена». Жаль, что это сказал не я, а итальянцы. Теперь представьте себе зелененькую и помятую «шестерку»… Пилить этим «удлиненным членом» можно только собственный бюджет и, скажем, соседский «москвич», к слову добавить, недобитый со второй половины прошлого века! Пытаться, сидя за рулем «этого», вызвать тревожную влагу у предмета нежной страсти можно, но для этого следует наехать ей минимум на ногу, а в идеале прямо на попу. Дабы не распыляться и действовать напрямую.

Но если вы решили выступить тяжеловесно и совершенно уничтожить сексуальный объект своим нечеловеческим обаянием и неземными манерами, то вам необходим автомобиль-имидж, машина-знак, этакий фаллический символ на колесах. Чтобы все неслепые и условно половозрелые женщины, включая учениц младших классов и их директрису, по показаниям, гладившую по головке маленького Ленина, удаленно потеряли девственность, дар речи, портфели, вставные челюсти и партбилеты времен КПСС. Короче, чтобы все женщины, случайно попавшие в поле вашей (с машиной) прямой видимости, были утоплены в горячей волне желания, предметного позыва измусолить ваши черты

горячими губами и иными причинными частями женского тела.

Поэтому они должны быть совершенно, почти насмерть убиты цветом, блеском лака и чистотой линий этого мифического животного. Гипнотический транс, производимый на тетку заурядным немецким кабриолетом, сравним по течению и симптоматике с поеданием пуговиц от сорочки и запиванием их водой из-под завядших лютиков. А теперь на секунду представьте паркующийся «астон мартин» (или «порш», или «додж вайпер») кроваво-красных тонов на чудовищных колесах и никелированных дисках. Даже если в этот раз вы не будете их бить или угрожать дедовским маузером без патронов, даже тогда истекающая от восторга Лаура и/или Дафна — это уж как повезет — тихо прижмется к теплому заднему крылу и нащупает, обжигая тонкие пальцы, выхлопной патрубок…

Ну, или не прижмется и не нащупает, а презрительно фыркнет, небрежно уронит свой роскошный зад в ночами заработанный «бентли» и модно помчится к очередному олигарху — заниматься анальным сексом. Ну, или любительским — к разомлевшей от безделья подруге.

Вывод пятый. Ничто так не убивает мужскую сексуальность, как «феррари» под задницей у наглой и циничной сучки.

Женщина за рулем — обезьяна с гранатой? Да! Если она за рулем червивой «нивы», хлопающей крыльями на поворотах. Если женщина за рулем «ламборджини», то она не обезьяна вовсе, она гильотина для ваших поджатых в унижении мошонок. Сделать такой предложение о близости может лишь обладатель пейсов и бейджика алмазной биржи или зябкий дядя в простыне, со скакалкой, намотанной на голову, и паспортом на имя эмира с Востока. Ну, или ее вполне отечественный сожитель из бандитов — с маленькими глазками и шеей за 50 см, на которой 200 граммов бижутерии и крест в бриллиантах. Ничто так не травмирует душу и половые органы, как несбыточность притязаний!

Хотя, помимо возбуждающих авто, есть еще пара эрогенных мест. Женщины любят героев, а трахаются с клоунами.

Все верно, все так, но что же делать для полной победы?

Следует становиться «веселым героем», то есть человеком с пистолетом и следами вырождения на лице. Лишь тогда женщина размякнет от гипертрофированного желания и будет истомно вздрагивать по ночам, когда вы, вернувшись с «работы», разрядите свой пистолет в мартовского кота, тренирующегося под окном.

«Мой пришел», — подумает тетка и озябнет от предвкушения либо удара в печень, либо каскадного мультиоргазма, в

зависимости от настроения избранника. Такой мужчина — вне конкурса, замена или альтернатива невозможна, потому что он, как таблетки от запора — «три в одной». Принимаете — вас безудержно слабит. В этот момент не до депрессий, и сразу от натуги улучшается зрение.

В тугоплавком герое есть отменный секс, сравнимый по остроте разве что с игрищами на пилораме, есть вполне отличныи пистоль, готовый к употрео- лению ежесекундно (соседи в курсе). И конечно же, очаровательная простоватость, позволяющая тетке купаться в облаках собственного, несравненно большего «IQ». Не у каждой есть свой собственный Квазимодо, да еще и на безлимитном баблосе!

«Не права была мамка, когда говорила, что я так же, как и она, дояркой сгину. Я всего-то пару лет в «Космосе» отнагибалась, да вовремя счастье свое разглядела в этой горилле».

Вы обращали внимание, какие именно пистолеты выбирают те, кто не получает их в оружейке, а покупает, не заботясь о правовой обоснованности деяния? А такие же, как и авто, — вызывающе крупные и звучные. Скажи кому-нибудь, что чешский «чезет» чудо как хорош и практичен, — тебя сочтут за человека из провинции.

«Зиг Зауэр», «Глок», «Хеклер энд Кох»… Как много в этом звуке «для сердца русского слилось».

Порой дяди, купившие чудо инженерной мысли, даже не в курсе, как его разобрать, но кто сказал, что из него будут именно стрелять? Им будут именно аксессуарить и по случаю демонстрировать сотоварищам и дамам «своего круга». Дядька без пистоля — как тетка без силикона ну-хоть-где-нибудь. Ходить, без сомнения, можно, но как-то неловко и неуютно.

Вывод шестой. Пистолет обязательно нужен мужчине, но лишь тогда, когда у него нет приличного автомата. Либо перед нами переодетая баба — резидент вражеской разведки.

Секс, секс и секс… Это не любовь и не отношения — это скорее битва. Никто не отменяет семейные узы, связи по любви, расчету и симпатиям высшего порядка. Но именно секс — действо столь животное, что пасадобль и коррида по сравнению с ним лишь суррогат страсти. Поэтому мы можем не танцевать и не смотреть, как убивают быка, но не совокупляться мы не можем! Жаль, что этого не знают равнодушные люди, призывающие мальчиков в армию на два космически длинных года. Секс есть сторона жизни самодостаточная и бессознательная, это как затяжное желание чихнуть или почесать отсиженные детородные органы.

Трахнувшись первый раз, мы, трепеща от возбуждения,

садимся в повозку без лошади и вожжей, которая, просев под неожиданно свалившимся грузом, внезапно срывается с горной кручи и, надрываясь всем своим тележным телом, кружит по серпантину половых выкрутасов вниз — в сонные альпийские луга мужского климакса.

Когда какого-то великого хрена, имя которого я подзабыл, спросили, что он чувствует, перешагнув восьмой десяток и потеряв влечение, он прошамкал розовыми деснами:

— Как будто слез с бешеной лошади, — и благостно сложил желтые лапки на пузе.

Убожество!

Прежде чем заработать холодные ноги, утку, теплый плед и рюмку коньяка перед камином, мужчина обязан ответить себе на вопрос: «Как много женщин вспомнят меня с нежностью?»

Только самодовольные кретины делают «это» для себя, занимаясь, по сути, онанизмом без рук. Исполнять заунывные фрикции в ожидании семяизвержения — это примитивизм на уровне депрессивных осликов, скучных муравьедов и торопливых сусликов. Мужчина должен не осеменить женщину, он обязан ею овладеть — именно овладеть, причем тотально! Получить часть внимания в сексе — это все равно, что засунуть палец девице в ухо. И где тут счастье? Лишь тогда, когда она растает в его руках и захлебнется его дыханием, лишь тогда весь мир рухнет им на головы, и будет совершенно насрать на скрипящую кровать, перепуганную маму в соседней комнате и соседей, избивающих ломом батарею, с вывешиванием белого флага в ваше окно.

Как именно овладеть, рецептов быть не может, как нет рецептов в разговоре с немыми. Вы без сомнения поймете друг друга, но то ли вы поймете, что вам говорили? Стереотипы в отношении дамы уместны лишь в борделе, где оплатил по прейскуранту и «член профсоюза» участливо распахнет гостеприимное лоно с исполнением арии: «Иес! Иес! Камон, бэби, камон! Хотел крепко скроенную кроху, брюнетку 17–35 лет? Так вот она!».

Дамы, не столь определенные в своем половом профессионализме, своеобразны и самобытны.

Ума не приложу, как именно и из какого органа приливала кровь к клитору у девицы говорящей о своем ныне покойном сожителе:

— Жесткий был. Бывало, вечером пивка махнет и приревнует к Губину, ну, или к Рики Мартину — это смотря кого по ящику покажут. Засунет пистолет в рот и орет: «Соси, сука, затвор! Пристрелю мразевку, если не скажешь, кого любишь! «Тэба, мылый», — говорю, потому ствол уже в глотке. А самой уже

обосраться от желания хочется и соски набухли. Вот это был агрессор. Даже до кровати ни разу не добрались, бывало, и колготки снять не успевала, а он даже не замечал!

Иная лее просто мажет тело по простыне всего лишь от запаха усталого мркского тела, от крепких, но осторожных рук. Мест, способов, поз и приемов для достижения взаимности столь много, что это лучше к страшилке — к доктору Щеглову. Но одно совершенно точно! Женщина способна раствориться в оргазме, лишь чувствуя рядом с собой человека, а не терминатора-вибратора с ароматным, но таящим во рту членом.

Нет большего наслаждения для дяди, чем тетя, искренне издающая децибельные вопли и бьющая кулаком в стену… Хотя многие тети, опять-таки преследуя свои вполне меркантильные цели, легко исполняют и эту пьесу. Но отличить разводилово от натюрэля очень просто по судорожной вибрации «органа», количеству выделенной неги между ног и пота на спине. Я уж молчу о том, что реально возбужденным соском можно в запале выколоть вставной глаз или даже исцарапать немытую фронтовую грудь. Лишь однажды увидев, как именно кончает женщина, не променяешь это ни на одно унылое соитие с задумчивой Клавой Шиферовой.

— Мадемуазель, вам было больно?

— Отчего вы так решили, любезный?

— Вы пошевелились…

Если женщина азартна и жива, то во всем сразу — от одежды до политических взглядов, от постели до способа обеспечения жизнедеятельности.

Как только вам на жизненном пути выпадает счастливый билет встретить тетку с прекрасным аппетитом и разнообразными вкусовыми пристрастиями, хватайте ее и не смейте выпускать! Сорите деньгами, целуйте ее в затылок, дерзко врите, что вы переодетый принц Чарльз и попробуйте ее хотя бы раз. Поверьте: она порвет вас, как Тузик варежку, а ее победные вопли разбудят ближайший райотдел. Кто как ест и танцует, тот так и любит!

Как видим, в сексе нет второстепенных составляющих. Все, что есть предмет желаний, — все это и сработает либо «за», либо «против». Представьте девушку небесной красоты с восхитительными формами и запахом недельного перегара. Или вспомните, как вы вдруг удивленно вспыхнули неутолимым желанием после пятиминутнои Ьеседы с дурнушкой, источающей такие гормональные флюиды, что даже матерые тетки за соседним столом, потушив сигареты, испуганно поняли, кого именно они хотели все эти долгие годы исканий, а то все мужики да мужики…

Ищите не картинку из журнала для подростков, найдите ту самую заветную скважину, которая благодарно ждет этот золотой ключик, и откройте комнату, наполненную воплощенным желанием. Никогда насилие не даст вам повода для упоения. Женщину не нужно брать — она не чемодан. Женщину нужно вести, и даже не за руку, а лишь касаясь кончика ее ногтей — не от боязни или утонченности, а от проявления изуверской воли, интригующей и парализующей женщину, привыкшую к грубой власти своей притягательности для всего живого. В этом поиске все — от самоутверждения и мании величия до инфантилизма и обожания. Изнемогая в чутком искании и найдя «самое важное», вдруг слетаешь с катушек от чувства восторга, сравнимого со свободным падением или яростной дракой. Секс — это всегда или победа или поражение, ничья не устраивает ни одну из сторон и старательно забывается.

— Мы, кажется, знакомы?

— Вряд ли. Я бы вас заполшила…

Взаимность и притягательность половой близости возможны при достаточном знании акробатических «па», физической выносливости и абсолютном взаимном доверии и совершенно невозможны без нервной чуткости, граничащей с парапсихологией. Как можно объяснить, почему именно следует остановиться в тот самый важный момент, когда женщина должна просто ощутить углубленное присутствие мужчины в своем теле, или когда именно следует грубо схватить ее разметавшиеся волосы?!

ВНИМАНИЕ! Если вы хотите угробить секс — откройте рот и спросите что-нибудь важное или промычите что-нибудь про неземную любовь!

Секс — это контакт через «штепсельный разъем» и уже внутреннее общение. Все посторонние и внешние звуки сбивают прицел, ломают настрой и раздражают, как след резинки от носков.

Вывод седьмой. Не жадничайте и не ленитесь. Не совокупляйтесь для того, чтобы кончить, а кончайте от того, что ощутите, что именно вы сделали с милой дамой и для милой дамы. И она благодарно познакомит вас со своей подругой, не носящей белья. Но если при виде конкретной женщины ваш изнемогающий желанием член не дрожит, как влажный, новорожденный жеребенок, то лучше не тратить ни свое, ни девичье время. Как там в кладезе: «Упасть с коня — так с вороного!» Ну и еще: «Не бойся малого, а бойся вялого».

Друзья — это не пассажиры автобуса, их много не бывает. Выдам тайну. Все ваши друзья остались в детстве. Взрослые

друзья — это скорее всего коллеги, собутыльники или члены какого-нибудь многочлена, типа спортклуба. То есть категория лиц, склонных к интригам, предательству и мечтающих сожительствовать с вашей супругой, ненавидящих при этом вашу собаку. Не стройте иллюзий — вас продадут в самый неудобный момент по бросовым расценкам, забыв поделиться выручкой. И лишь друзья детства, вместе с которыми ты курил бычки и щупал девок за гаражами… Лишь им, бедным, придется тащить этот крест взаимного доверия и взаимопомощи, тащить то ли по привычке, то ли из боязни потерять привычное окружение, слепленное из выдуманных воспоминаний.

Единственный человек на этой планете, которому вы по-честному нужны и который действительно вам предан, — это ваша мама. Единственный настоящий, пускай и старомодный в своей наивности, друг. Как часто мы забываем наших матерей, уходя в дальние походы в поиске наших алчных желаний, оставляя за спиной единственного человека на этой планете, которому мы действительно должны хоть что-то.

С друзьями все, в общем, ясно, но не надо путать именно друзей именно с Боевыми Товарищами. Когда судьба закидывает мужчину в унитаз, не утонуть ему помогают либо полное перерождение в непотопляемое дерьмо, либо полная непромокаемость в силу целостности как оболочки, так и внутреннего содержания. В эти унитазные и кровавые моменты жизни середины просто не бывает — и слава Богу! Должно же быть явное отличие белого от черного. Многообразие оттенков серого — это для слабаков и нытиков, ищущих оправдания своей ущербности и предательствам.

Скажу более: я крайне уважаю своих прежних и настоящих врагов — хотя бы за откровенную ненависть в мой адрес. Нет ничего более мерзкого, чем улыбка и рукопожатие лицемера, плюющего на спину вашего пиджака. Эти обезличенные следы чужого яда хорошо отмываются только кровью и мозгами. Когда уже знаешь, что есть враг, тогда без сомнения понимаешь, что есть товарищ по оружию.

Тем и ценны боевые товарищи, что они всего лишь прошли проверку на вшивость и сдали те же, что и вы, анализы на честность, став для вас очень понятными, а значит, неопасными людьми. Все эти сопли про воинское братство и прочие привально- гитарные завывания оставлю для Дня десантника, пограничника и ВМФ. Но то, что, харкнув кровью и пройдя через смерть и говно, попавшее в вентилятор, человек остается человеком и не приобретает запах того, откуда вернулся, — это высшая оценка того, что именно данный человек сумел накопить

за «отчетный период».

Вывод восьмой. Друзья, видимо, нужны — вот только где их взять человеку, который с подозрением смотрит на бабулю-почтальона и запоминает номера машин у подъезда? Где? Да опять-таки в родном городе, во дворе собственной школы, на встрече одноклассников.

Если не пить водку, то вскоре понадобятся уколы в голову от бешенства и агрессивного бормотания, потому что уколы в живот уже не торкают! Вы еще в задницу начните их ставить… и всплывет недоуменный вопрос: «Неужели так злобно пердела!»

Спиртное — это целая планета в эгоцентрической системе мироздания. Мерзкие бабы, унизительные служебные будни, проблемы со здоровьем и прочие глупости легко отваливаются от вашей неопрятной головы, если в эту голову залить через рот первые сто…

Хотя дело вовсе не в миллилитрах и граммах, даже не в качестве пойла и стране-изготовителе. Дело в самой концепции напитка.

Только конченый очкарик может пить по поводу избиения его женой вялый коньяк. «Конина» инфантильна и грустна. Осталось только закусить ее имбирем, испачкать руки конфетами, и размякнешь, как медуза. Нет, в служебных коллизиях и кухонных битвах нужна водка — жесткий и бескомпромиссный напиток бойца пьяного стиля. Только она, родная, в состоянии всколыхнуть богатырскую силищу во впалой груди и налить свинцом обвисшие плечи. Не порвать на этой сучке рейтузы и не дать шефу в морду практически невозможно. К ответу, падлы!

Другое дело, если у вас романтическое путешествие и вы сегодня интеллигент в первом поколении. Здесь вполне уместны легкие сухие вина. НО НЕ ВЗДУМАЙТЕ ПИТЬ ПРИ ДАМЕ СТОЛОВЫХ ВИН под мороженое крем-брюле. Эта дура может знать, что кьянти пьют под мясо, а не под десерт. Очень рекомендую рейнские и мозельские вина — эти уместны хоть куда. Во-первых, они, как правило, полусухие, и вам не придется кривить мурло «от удовольствия» после сухой французской кислухи девяностого года, а во-вторых, в отличие от итальянских и французских, они чудо как доступны по деньгам и имеют вполне презентабельный зарубежный вид: бутылки с картинками и надписями на импортном языке. Поверьте: никто ни хрена в этом не понимает, включая сомелье, только что привезенного в кузове «камаза» из Ново- Ебуново, побритого, помытого и обученного за неделю, для пущего пафоса и элитарности заведения.

По этой причине, попав в незнакомое и пугающе специальное

место, начинайте капризничать, просите свежевыжатый березовый сок и канючьте вино с температурой 14,7 градусов. Требуйте предъявить термометр! Причем сначала проверьте его градуировку через свою подмышку в части 36,6, а потом размешайте им божоле нуво, с ленинским прищуром убеждаясь, что 0,7 градуса не додержали! «За лоха меня держать?!»

Но вино — напиток глупый и томный, достойный девиц, которых мама проводила к вам со ело- вами: «Много не пей, сразу не давай!». Если рк не хотите бесцельно размышлять о пике творчества Шнитке и символизме Блока, пейте водку с утонченной избранницей. Для затравки можно обронить, что в Милане и Лондоне-Париже сейчас русские сезоны. Дамы из модных пьют белую прямо из горла, дерутся с педиками и требуют тазик икры… Поверьте: каких-то 300 граммов «в лицо», и вы уже режетесь с теткой в десна на брудершафт. Она ест землю, клянясь, что нарожает вам близнецов… хоть завтра!

Если же вы хотите, чтобы доза, выпитая вами, возбуждала спутницу своими богатырскими размахами, а докеры за соседним столиком одобрительно приняли вас за своего, то следует пить старый добрый айриш. Ирландцы знают толк в упивании и выживании «после того как». Только они на своих хулиганских островах делают тройные перегоны и не солодят исходные компоненты.

К чему эти одеколоны в стакане?! Шотландцы просто редко моются и забивают «запахи отлива» напитками, разукрашенными купажом.

В этом смысле водка вообще шедевр. На этикетке написано: «с добавлением меда, овса, эвкалипта, сена, соломы и вытяжки из половозрелых кедров», а на вкус все та же милая сердцу косорыловка, знакомая еще по собственной поре полового созревания, когда те кедры еще были орехами. Улучшить водку можно единственным способом — увеличением объема бутылки. Все остальные выкрутасы — опять же замануха для лохов, умеющих читать.

Ирландский виски — это да! Но настоящие шедевры делают не рыжие островитяне, а потомки французов, осевшие в Америке. Бурбон — это поэзия изготовления огненной воды. Индейцы, собственно, и вымерли от этой манящей вкусноты (вот бледнолицые изуверы!). Если бы их травили коньяком или, скажем, бургундским, то они всего лишь погрустнели бы и начали брить подмышки. Зачем ковбоям бритые индейцы?

Бурбон мягок, в меру ароматен и узнаваем, идет, как телеграмма, и никогда не грубит на утро.

Сознательно не касаюсь названий брэндов, дабы не быть

уличенным в скрытой рекламе вероятного противника. Хотя и у бурбона имеется одна закавыка. Уж больно он дорожает в процессе преодоления океана вплавь. Если вы не на оптовом рынке, не скупщик краденого и хоть немного дорожите своей печенью, то есть не пьете технический спирт, подкрашенный акварелью, то никогда не возьмете эту литру дешевле пятидесяти американских денег. Для примера, литр вполне доказанной водки от знакомого производителя редко может стоить дороже 20–25 долларей в рублевом эквиваленте по курсу Центробанка.

Под правильную закуску и в теплой компании, уже после тоста за тех, кто в море, название, вкусовые качества и цвет напитка роли не играют. Сознаюсь, что под водку, принятую резво, без натянутых пауз и по 25 граммов, трахаться хочется гораздо настырнее, нежели под лонг-дринки со странноватыми для нас сорока граммами плюс кусок льда из водопроводной воды с хлором.

Вывод девятый. Хуже водки — лучше нет. (Черномырдин!)

…Уже два года не пью — даже как-то жаль… Но спорт дороже, а здоровье одно — его либо в одном направлении, либо на все не хватит!

Мы мило поболтали, но все же как двумя словами определить, что есть Мужчина в высоком смысле этого слова? Да то же самое, что и в низком! Кобель, пьяница и мерзавец, любящий свою семью, гордящийся своими успехами и преданный своей Родине, Человек с Честью и Совестью!

Иные есть, но те далече, а потому не рассматриваются, ввиду пресности и безвкусия — а зачем нам «мясо без перца»?

1. День рождения

Оглянувшись на свои поражения, я понял, что в эти моменты был всего лишь недостаточно беспощаден по отношению к себе.
Кои но такинобори рю нюмон

А. Кочергин

В этой конкретной жизни не было ничего более страшного и более важного, чем детство.

Все начиналось, как в дешевом американском фильме-сказке про тщедушного мальчика, вследствие «мутаций» ставшего прямо-таки шайтан-каратистом.

Я не спал уже часа три, точнее, находился в том тонком пространстве, где уже не реальность, но еще не сон, тревожное оцепенение, полное уничтожающих мыслей. «Зачем, ну зачем вообще я родился? Чтобы терпеть все это? Какой в этом смысл?» Проще и логичней было сдохнуть, только открыв глаза и не успев сказать многозначительного «вау!», чем вот так кувыркаться липкими от холодного пота ночами, задыхаясь от ужаса, собственной ничтожности и ненависти ко всему живому, безучастно взирающему на это унижение. «Нет, так нельзя. Пусть это хоть как-нибудь закончится, чем будет продолжаться, как многосерийный фильм ужасов, где роль главной жертвы достается постоянно одному и тому же персонажу — мне».

1977 год. Окраина большого рабочего города.

Тогда все было не так, и планета Земля еще была удивленной обладательницей двух политических систем. Народ в «счастливейшей» из стран жрал водку, носил неизвестно каким способом ввезенные и на какие сбережения купленные джинсы и дерзкие мини-юбки, сшитые мамой из шторы и обрезанные против ее желания «по самое не балуйся». Белье было отечественным — типа трусы синие, майка белая. Лифчики девкам, в силу их фасона и надежности, выдавались буквально для тепла, благо климат, как и сейчас, был прохладный, а женские трусы иначе как парусами назвать было нельзя, что никоим образом не уменьшало ценность и притягательность девственно заросших лобков. Все просто и без буржуазной чепухи типа эпиляции, пирсинга и мелирования.

Да что говорить о том удивительном по чистоте убеждений и телодвижений времени, если даже татуировки, точнее наколки, по большей части имели критическое или патриотическое содержание, а не наносились, как сейчас, на мускулистые и не очень тела для эстетских выкрутасов. Как вам вот это нравится: «Не забуду мать родную!», «Они устали ходить под конвоем», «Смерть ментам», ну и почти стихи: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок!»? Портреты Ленина и Сталина вполне уживались с черепом и костями, а куполастые спины всего лишь указывали на количество отсиженных лет, а вовсе не на исключительную набожность «холста».

Молодняк ходил на танцы, пытался, пренебрегая отечественными презервативами в тальке за две копейки, яростно трахаться прямо в кустах у домов культуры, беззаветно дрался, отдавая предпочтение групповым действиям и бодро применяя колы, вырванные из штакетника, и разобранные на части парковые скамьи. Все было жестко, не очень умно, рк вовсе не манерно, но очень честно и гипертрофированно конкретно. Находясь в одинаково болотистых условиях, молодые люди редко выделялись имущественными признаками. А вот вызвать гормональный всплеск у предмета страсти, истыкав розочкой от бутылки рожу незадачливого конкурента — это будьте любезны, это у нас завсегда такое одолжение.

В этой более чем подвижной и остро агрессивной среде не было места слабости. Не сознавая первопричины, мальчик пытался избежать хотя бы физической несостоятельности. Проводя долгие дни в одиночестве, он самозабвенно ворочал самодельную штангу в 37 кило, тянул старый экспандер и отжимался, свято веря в то, что это может каким-то чудесным образом изменить его ничтожное, ущемленное существование. Мышцы росли, благополучно миновал пик полового созревания, гормонов было, хоть анализы продавай как допинг, а у тринадцатилетнего парня все обстояло, как в курятнике. По шею в дерьме, а на голову благодарно гадят низколетящие куры.

По сути, воспитывала его мать, работавшая в двух местах одновременно и не имеющая времени на такую роскошь, как чтение умных книг или вязание. Точнее, не воспитывала, а иногда вполне педагогично порола за то, что он воровал из вагонов арбузы и плохо учился по русскому языку (фу-у, какая гадость). При этом убедительно увещевала не пытаться курить, упаси Господь, не драться и не дружить с плохими ребятами из соседнего двора: «Лучше отойди и скажи, что ты с ними в разведку не пойдешь». Что делать, ее поколение было воспитано на патриотических кинофильмах и официальных рассказах о

войне, в которых не было место подлости и бытовухе, а герои напоминали мраморных в своем совершенстве греческих богов с идеальными поступками и трибунными словооборотами.

Ему остро не везло прямо с рождения. Отец в моменты пребывания в сознании был вполне милейшим и ласковым человеком, но страсть как любил выпить, что кардинально меняло ситуацию на противоположную. Причем пил он неумело, как-то по- детски, всегда до зеленых соплей, всегда с сочной блевотиной «на бис» в конце процесса и всегда с концертом по заявкам от обожаемой семьи. Мать, впрочем, как и все матери, была женщиной нерядовой красоты и вышла замуж за этого мужчину лишь потому, что он вдруг взял да и перевез свои вещи к ней в коммуналку. Отец всегда помнил «как это было», так и не сумев простить подобного отчуждения. Как только доза превышала 200 граммов «белой», то есть водки, папа Коля начинал вспоминать про то, что красавица мама Люся, очень даже может быть, изменяет ему, так как вышла за него явно не по любви. Надо добавить, что для нее это был второй брак, как, впрочем, и для него. Первого мрка у мамы убили, точнее, избили и повесили уже изуродованное тело. Веселые были времена…

Отца первая жена бросила — дерзко, цинично и даже как-то картинно. У них только что родился сын Сашка, отец поехал в командировку, был он буровым мастером и получал безумные по тем временам деньги — 3000 рублей «старыми» (1956 год). Он только уехал, а вслед ему летит нежнейший привет в телеграмме: «Коля зпт милый не приезжай больше зпт я выхожу замуж зпт о разводе не беспокойся зпт я все улажу тчк». Вот такое, блин, «зпт» на всю голову.

Стоит ли удивляться, что впечатлительный мужичок ниже среднего роста, с забавным животиком и безудержной страстью писать лирические стихи а-ля Есенин перегрузился на половой теме и тихо булькал внутри головы тем, что обычно находится гораздо ниже спины.

Картины избиения матери и метания металлических предметов домашнего обихода на дальность и точность ни в коей мере не способствовали укреплению детской психики. Во время этих ночных безумств у малыша часто отказывали ноги, а уж истерики с синими ногтями, белым лицом и потерями речи были просто как «здрасьте».

В итоге мальчик был запуган вне всякого предела. Так, приходя в парикмахерскую, он сразу забивался в угол, стесняясь спросить, кто последний, затравленно ждал, когда все «кончатся». И был безмерно благодарен какому-нибудь неравнодушному дяде, заметившему его малозначительное присутствие и

сообразившему, что этот заморыш, видимо, что-то решил сделать с волосами. Вон у него как чубчик растрепался! Мама любила видеть его стриженым, потому как гигиена! Продвинутые сверстники давно уже перешли на «молодежную», а он, объект насмешек, все ходил с малолетним свежеоформлен- ным чубчиком. Эти обстоятельства никоим образом не могли повысить его популярность или развить его коммуникабельность. Пропасть между ним и окружающим миром разрасталась на глазах, еще бы пара сантиметров, и прыжок на ту сторону был бы рке невозможен. Но он все же прыгнул…

До школы было метров четыреста — пара минут прогулочным шагом для уверенного в себе человека. Он покрывал это расстояние с живостью и примерным результатом жопасто-ногастого Бена Джонсона— несвоевременно прекратившего выступления спринтера. Почтим его карьеру вставанием, но пожурим за допинг. Ай-яй-яй!..

Подростки вообще очень жестокие существа. Подростки образца 1977 года были прелесть какие сволочи, а подвид «шпана с грязных улиц рабочего юрода» просто чудо как хорош. Многочисленные, весело сделанные по пьянке, дети своих неказистых отцов — что с них взять?.. Водились они в изобилии, причем их бесцельно блуждающие стаи барражировали почему-то аккурат на путях его продвижения к «граниту науки». Так что в день было как минимум два забега — до школы и обратно, и вовсе не факт, что этот бег с препятствиями не завершался ДТП.

Били его часто, а из-за овечьей безответности били долго и беспричинно. Били потому, что слабость привлекательна; потому что бежал, да не убежал; потому что срочно нужны 20 копеек, а у него нет; потому что здоровый и по-бабьи трусливый; потому что просто скучно, а тут этот маменькин сынок хренов.

В школе он старался не выходить из класса — могли напасть старшеклассники, хотя и однокашники времени даром не теряли. Ужас, одним словом.

Долгий, бесконечный, холодный ужас каждую секунду, каждый день на протяжении очень многих лет подряд. УЖАС! Страх перед всем и всегда, парализующий, унизительный, порожденный пьяным, невменяемым в своей ущемленной жестокости отцом, взлелеянный нелогичной и оттого неумелой материнской любовью и истерически раскрученный собственной, уже не вполне здоровой психикой.

…Вышел рано, шел жестко, вдалбливая каждый шаг в асфальт, и бубнил себе под нос: «Убью! Убью!» Слезы душили — он не дышал, а хрипел. Напряженно шел, не разбирая дороги и не понимая, почему на него так матерятся и сигналят шоферюги.

Даже удивительно, как в его руке не оказалось отвертки или ножа. Совершенно очевидно, что он шел убивать. Кого и за что — не знал, но знал, что хочет убить, возможно, даже себя. Впрочем, какая разница?! Жить так дальше было невыносимо, так КАКАЯ РАЗНИЦА, куда он шел?!

Уткнувшись в угол вестибюля школы, стоял и трясся от холодной нечеловеческой ярости, слезы высохли как-то сами собой, глаза остановились в одной точке, а сам он весь похолодел задеревеневшим телом. Выбор был сделан, оставалось просто стоять и ждать, как стоят и ждут сигнала боевой трубы стойкие оловянные солдатики.

Долго стоять не пришлось — «на живца» попался некто Коля, человек всего лишь полухулиганских наклонностей, то есть даже не «центровой», но оттого еще более цинично относящийся к существам более низкого уровня существования.

Не сохранилось в памяти, что было сказано, помнится лишь, в какой манере. Еще запомнилась снисходительная улыбка на лице Коленьки, впрочем, стертая где-то через пару секунд после первой надменной фразы. Причем стертая вместе с чертами лица — удар был неожиданной силы, лопнула кожа от скулы до носа, да и нос подвергся не вполне удачному тюнингу. После того как рухнул этот «старый забор», он яростно пинал обмякшее, тряпичное тело. Голова с приоткрытым окровавленным ртом весело тряслась, отзываясь на удары, и покрывала стены кровавыми веснушками — Коля был без сознания.

Когда кто-то в каком-то количестве вдруг попытался оттащить его, он начал заунывно, по-зверино- му выть. Изо рта, с прокушенной губы летела ржавая пёна, остекленевшие глаза сочились ядовитыми слезами.

И вместе с воем, этими соплями и «свинцовыми» слезами из него болезненно вытекали все эти годы унижения, ужаса и позора, бессонные ночи и убийственные мысли о собственной неполноценности-

После этого дня он дрался чаще, чем менял штопаные носки. С ним перестали спорить, потому что он редко утруждал себя доводами вербального характера. Он начал пить, что вполне свойственно подростку в период самоутверждения, и каждая пьянка заканчивалась побоищем — часто беспричинным. Было ли это плохо? Да, наверное! Но он жрал и упивался этим грязным, но рке нестрашным миром. Его миром, которого ему так не доставало все эти бесконечно долгие тринадцать лет — всю его жизнь. Однако при всей благоприобретенной удали у него так и не получилось забыть склизкий вкус унижения, и каждая чужая боль и страх еще откликнутся у него в душе слезами той самой

важной ночи — ночи «предродовых» судорог, схваток и мук.

Все мы родом из детства, вот только у каждого оно исключительно свое. Как странно, что мы еще ухитряемся сосуществовать при тех абсолютных несовпадениях условий формирования личности в самом начале. Прав господин Зигмунд: «Жизнь человека — это преодоление детского комплекса». Никто и никогда не сможет напугать человека, знающего уничтожающий вкус и подлинную цену страха — чувства, порой более сильного, чем любовь.

Днем рождения человека следует называть мгновение, когда он таковым становится, а далеко не момент начала его физического существования. Мнение автора — и не обязательно правильное.

2. Окно

У каждого из нас в памяти есть «полыхающие» секунды, гораздо более важные, чем равнодушно пережеванные, проглоченные и высранные годы.

Долой школу! Совсем другая, пьянящая жизнь одним намеком на свое существование холодила живот и как-то игриво сжимала мошонку. Он уже в техникуме. И даже не в обрыдлой школьной форме (помните: синего цвета с алюминиевыми пуговицами?), а во взрослой, коричневой в крапинку брючной паре от Чебаркульского швейного объединения.

Теперь можно многое: отпустить волосы, роскошно закрывающие уши, на большой перемене бегать пить пиво из настоящих кружек в пахнущую селедкой и луком пивную на углу, рядом с пельменной. «Пельмешка» торговала восхитительными «ластиками» по 28 копеек за порцию. По нынешним меркам сие кулинарное чудо вполне подходило под определение «еда», — читай: «комбикорм», что, впрочем, не уменьшало ее ценность для аскетичного, без излишеств, фаст-фуда того времени. Съел пельмени, запил пивом и на занятия — спать на последней парте. Это вам не школа — это вам иная, почти настоящая жизнь.

Урок физики проходил на четвертом этаже главного корпуса Индустриального техникума, который слыл одним из лучших технических учебных заведений в городе, имел просторные кабинеты и более чем трехметровые потолки. Собственно, речь пойдет именно о них, а точнее о высоте между этажами.

На дворе был ноябрь, как-то запоздало для Урала выпал первый снег. Народ героически надел неподъемные пальто с воротниками из меха Чебурашки, завистливо глядя на обладателей барахольно приобретенных синтетических шуб и — «Боже, какая роскошь!» — настоящих монгольских дубленок, привезенных с Севера.

Первая часть пары прошла показательно сонно. Прибегая с мороза и попадая во влажное тепло аудитории, моментально впадаешь в перманентный анабиоз, нет, скорее в термо-гипнотический транс. Попасть в столь измененное состояние сознания очень просто. В абсолютном варианте стоит провести пару часов в промокших ботинках на морозе, выплясывая принудительную чечетку, затем контрастно погрузиться в горячую ванну, подпуская для релакса пузырьки из

неуправляемого более низа спины, и вот она — абсолютная нирвана! Даже и не пытайтесь не уснуть.

Закончилась первая часть пары, и, чтобы уж совсем не потерять связи с реальностью, народ стал угловато выбираться из-за столов, демонстрируя судорожные потягивания вполне в духе передозировки галоперидолом. Из окна аудитории еще вчера был виден полысевший по осени и равномерно обгаженный задний двор техникума. Теперь он стал неузнаваем под тонким слоем первого снега. Так видавший виды стульчак унитаза в гостиничном номере преображается до доверительного вида, будучи накрытым газетой «Правда» с орденами в заглавии и техническим отверстием, заместившим фото генсека. Прямо под окном аудитории тянулся переход в лабораторный комплекс. Его крыша, накрытая полупрозрачной простыней ослепительного снега, находилась от окна метрах в пяти-семи, на ней отчетливо чернели каблукастые следы чьих-то ног.

Надо же, похоже, прыгнул кто-то, — вырвалось у кого-то само собой.

А это я вчера прыгал, — не моргнув глазом, сообщил любимец всех девиц группы. — Ясное дело, ты бы обосрался прямо в полете, — добавил он и победно оглядел благодарных слушательниц.

Испугался?.. Я?!

«Я опять испугался!» — горящая надпись мерцающими углями светилась перед глазами.

Мир остановился. В глазах потемнело, его чуть было не стошнило прямо на пол. Высота казалась убийственной, нереально огромной. Она смеялась ему в лицо отчетливыми копытцами чьих-то следов и бубнила где-то в середине черепа очень знакомым голосом: «Не, ну я-то смог, а тебе слабо? Зассал?..» Так вырываются из-под воды, хватая зубами, глазами и руками глоток воздуха, по пути разрывая ногтями лицо незадачливого спасателя. Он рванул раму — рама оказалась загодя заклеена на зиму, рванул еще и еще. Полетели гирлянды оконной бумаги, жалобно пискнул забытый и теперь уже вырванный с корнем шпингалет. В лицо ударил кисловатый запах заводской трубы, замешанный с морозным ароматом снегопада…

Через секунду он уже летел вниз, благодаря судьбу за то, что та не дала ему шанса остановиться там, на подоконнике и осознать своей, такой благоразумной и заботливой головой всего ужаса того, что он УЖЕ сделал.

Естественно, он упал. Глупо, неумело упал, плохо согнув ноги и вдребезги разбив пятки.

Потом хирург удивится, как при таком отеке и гематомах

могли остаться целыми кости.

Директор будет с ленинским прищуром пытать, зачем он это сделал, и искать тайный крамольный смысл в его поступке.

Вся группа дружно откажется брать его на поруки, утверждая, что никто ему ничего не говорил, а выпрыгнул он из хулиганских соображений, что вполне достойно отчисления.

Впечатлительный отец упадет в обморок и станет рыдать, получив по телефону сообщение, что его сын выбросился из окна.

И только мать, волевой человек, сухо поджав губы, спросит: «Зачем?», а получив вымученно улыбчивый ответ, непонимающе поежится и скажет: «Обманули, как дурачка!».

А он будет счастлив. Счастлив и благодарен себе за то, что не остановился, смог не искать смысла, причин и обоснований, не стал измерять, сопоставлять и тратить время на принятие решения. Он просто сделал то, чем будет гордиться всю свою жизнь.

Теперь, когда его спрашивают, кто он такой, он уверен, что имеет право ответить: «Я человек, сумевший выпрыгнуть из ОКНА», но, конечно, не делает этого. Маловероятно, чтобы кто-нибудь понял, о чем идет речь.

Наверняка есть люди, более умело и обоснованно прыгавшие с больших высот и совершавшие по- настоящему героические поступки, но уже никто и никогда не заберет у него его ОКНО, как вряд ли он отдаст свою жизнь.

P. S. Ах, да, тот брилялюль, конечно же, никуда не прыгал, а следы оставил электрик, вылезший на крышу перехода из окна напротив по каким-то своим таинственным электрическим делам…

3. 29 руб

Мужнина, не способный накормить себя и свою семью, не имеет права называться таковым.

Стипендия была повышенной — тридцать семь рублей. Учился даже не хорошо, а очень хорошо, не без гордости сознавая, что, оказывается, умеет и это. Мама получала 127 рублей — ставка старшего бухгалтера, и еще мыла пол в конторе, за что ей доплачивали 60 рублей. Отец, избитый сыном за очередную пьяную выходку, вдруг сухо собрался и уехал в Сибирь. Больше он его никогда не видел. Как все слабые люди, отец умел ненавидеть.

К своим пятнадцати годам мальчишка вдруг остро осознал, что такое нищета. Раньше он по-детски не понимал, почему у друзей так приятно в квартирах, а сейчас совершенно отчетливо осознал, что абсолютная чистота, которую поддерживала мама, — это всего лишь протирание пыли внутри почтового ящика, где пусто, уныло и бедно.

Да тут еще одна напасть. Его очень заинтересовали девушки, и чем сильнее они его притягивали, тем явственней он видел пропасть между дочерьми обеспеченных родителей и оборванцем в дешевых ботинках.

К тому времени он уже занимался каратэ. Коля Шеменьов, его первый и, пожалуй, главный в жизни тренер, нет, скорее Учитель, не просто дал ему знания, он заменил ему отца. Видимо, в пятнадцать лет он еще нужен… Коля тренировал бесплатно, постоянно искал что-то новое и находил такое, от чего господа основоположники пришли бы в полный восторг. Каратэ было и остается для Николая Александровича неким стержнем в жизни, а не «дойной коровкой», как для большинства куда более элитарных тренеров. Выжить при таком альтруизме в то время ему помогала основная работа. Он был мастером у грузчиков на элеваторе.

Работа была крайне проста… на первый взгляд. Приходили вагоны с мешками муки, которые следовало вынуть из вагона, сложить в штабель либо собрать на поддон и опять-таки складировать при помощи электрокара. Немалую серьезность этой незамысловатой задачи выдавал ряд косвенных обстоятельств.

Во-первых, в вагоне более 60 тонн. Если мешки по 50 кг, то их в вагоне 1280 штук, а если мешки по 70 кг, то 900.

Во-вторых, весь коллектив бригады был старше тридцати и весь прошел курсы повышения квалификации по выживанию за колючей проволокой. Пара экземпляров сидела еще при Сталине, отзываясь о тех временах с большим трепетом.

В-третьих, за разгрузку одного вагона во внерабочее время платили наличкой по 59 рублей, что составляло почти половину основного месячного заработка его мамы.

Коля привел его сюда как минимум по двум причинам. Чтобы отморозок узнал, что такое настоящий физический труд и нагрузка, а кроме того, у парня был отчаянно малоимущий вид. Колю уголовники уважали за м-м-м… скажем так, за содержательность. Спокойный улыбчивый дядька компактного росточка и «металлического» сложения на спор пробивал стену вагона кулаком, как в кино, и протыкал пальцами джутовые мешки с мукой. Следует добавить, что до каратэ он успешно выступал на соревнованиях по вольной борьбе. К тому же в их мире редко верят тому, что видят, так что Коля несколько раз удачно и вполне обоснованно «посадил на голову» пару очень непростых урок при полном восторге коллектива в целом.

Такое отношение к Коле автоматом перешло и на парня, тем более что в незнакомой странной компании он старался молчать и больше слушать-смотреть. Благо смотреть было на что. Народец пил жестко и жутко. Беззубые, разрисованные уголовники, беседуя на инопланетной фене, начинали день с чифира и тут же, дождавшись одиннадцати утра, для «купажу» переходили на водку. На глазах у изумленного мальчишки пять колоритных уголовников выпивали «из дула» по бутылке водки, заедали сухарем, а потом как ни в чем не бывало разгружали вагоны с энтузиазмом Тимура и его команды. А какие были драки! А как «катали» в карты! А споры!.. Оставаясь человеком-невидимкой, он всегда сидел рядом, но его никогда не втягивали в общий, столь специфический хоровод.

Однажды после очередного разгруженного вагона перепачканные мукой экс-зэки сидели в бендеге, не спеша пили водку и смачно курили дорогие болгарские сигареты с фильтром.

Нет, все-таки без водки — хана. У меня жизнь сразу дает трещину и становится похожей на жопу, а вот махнул пузырь в обед — и «поляна в елочку»!

Да что ты в жизненных жопах понимаешь! Я за нее по утру мышь съем и от бабы откажусь, а ты — елочки-цветочки…

Мышь, — радостно подхватила неравнодушная кодла. — Мышь сожрешь?! А ну на пузырь!..

Да не забудь: фуфлыжник хуже пидора, так что либо жри, либо в магазин, чтобы за метлой в следующий раз следил.

Поедатель мышей набычился и побледнел.

А ты меня за метлу не лови — руки оборвешь, как десна будешь чистить! А ты вообще дуло залепи, у тебя, у сявки, номер шесть, подели его на восемь и засунь в дупло! Писюн ты с пришитой головой!

Обозванный сявкой семейник без лишних слов схватил чифирбак-электрочайник и прямо с кипятком запустил в потенциального мышееда. По дороге булькающая и парящая влага окропила всю разом взревевшую компанию. Дрались зло и умело. Остановилось все, как и началось, моментально.

Вдруг сели и, тяжело дыша, стали сплевывать кровавые ошметки расквашенных губ, поправляя уже давно бесформенные лица. Благо зубы были либо золотые, либо их не было вовсе, так что выбить что бы то ни было представлялось затруднительным.

Не, ну так что, за пузырь сожрешь или так и будешь моросить не по сезону?

Да и сожру! Я на Колыме вату из матраса жрал и на кровь в карты шпилил, хрен ли мне мышь не спороть?

Элеватор — это питомник крыс и голубей. Толстые и безмозглые птицы нажирались дармового зерна до состояния, несовместимого с полетом. На земле их поджидали бездомные собаки и все те же крысы. Урки-грузчики не гнушались супчиком из голубятины. Бралась скрутка от вагона — шестимиллиметровая проволока, скрученная в жгут, и прицельно металась в стаю сизарей. Многие птицы пытались взлететь уже без головы. Крупа хранилась на соседних складах. Не жизнь, а диетическая столовая! Крыс, конечно, не ели. До этого момента…

Отправили гонца, через пару минут он примчался с выводком крысят — эдаких розовых жирных червяков с прозрачными лапками и такими же хвостиками. Кодла замерла. Престарелый «хозяйский» равнодушно разглядывал этих представителей живой природы, откинувшись на спинку стула и меланхолично катая одного из «червяков» по столу заскорузлым, исколотым до синевы пальцем с коричневатым ногтем.

— На пузырь «белой»?

— Да, на пузырь, на пузырь!

— А побежит кто?

— Да ладно, не блатуй — я побегу. Ну, пошло…

«Угол» взял крысенка, скептически осмотрел его на свет, затем флегматично засунул в рот и начал жевать. Хвост неодобрительно хлестнул его пару раз по лицу и пропал в золотой мясорубке, грызун нежно хрустнул и был благополучно проглочен.

— Во, мля, человек!

— А я и еще могу, — ответил приободренный живодер и уже с огоньком засунул второго в те же золотые жернова.

— Стакан, суки рваные, налейте, вдруг у него свинка или корь — оно мне надо?..

Парень бурно блевал за складом. Казалось, от подобного зрелища кишки вывернутся наизнанку, а веселая компания гоготала взахлеб, пребывая в прекрасном расположении духа. Гонец резво метался в магазин с периодичностью, достойной рейсового автобуса. Жизнь кипела и булькала, оставляя неопрятные следы на лицах и стенах.

Вагон обычно разгружается за пять часов. Правда, бывали и рекордсмены, например некто Чапа. О нем следует упомянуть отдельно. Костлявый гигант ростом выше 190 см, с пятьдесят восьмым размером пиджака и пятидесятым — брюк, с членом, измерением длины и толщины которого занималась вся упившаяся в дым бригада. «28 см в эрегированном состоянии, причем в стакан до конца не засунуть!» — таков был вердикт уважаемой комиссии. Так вот, этот Чапа в одиночку разгружал вагон за три с половиной часа, и это с учетом профессиональных заболеваний — геморроя и грыжи.

Надо добавить, что внешность Чапа имел эксклюзивную — под стать своим трудовым и сексуальным подвигам. Длинный нос («нос — горбинкой, член — дубинкой!»), очки, усы подковой и лохматые волосы делали его похожим на неопрятного героя Сервантеса. Читал он много и был страшно ядовит на язык, от этого его постоянно пытались бить незнакомые молодые люди. Кроме того, Чапа пользовался бешеной популярностью у дам бальзаковского возраста и педиков. Последние ходили за ним гурьбой, но в силу чудовищного диаметра своего члена он не мог им ничем помочь, хотя искренне хотел. «Да я за 25 рублей его хоть в бюстик Карла Маркса засуну, лишь бы диаметр ноздри подошел». Диаметр, как правило, не подходил.

Чапа сменил три жены, не выдержавших этой зоофилии, четвертая была худенькая и застенчивая еврейка. На нее с сочувствием поглядывали элеваторские бабы, уже пробовавшие эту елду в разных видах и расписавшиеся в абсолютной беспомощности перед чудесами природы.

— Знакомлюсь в ресторане с теткой. Ей про меня уже напели. Ну, мы к ней, муж в командировке. Она как его увидала, так аж лицом взбледнулась. И ну давай его засовывать! А он, падла, ни в передницу, ни задницу не входит — хоть иди кури. И тут до меня доходит мысль дать ей в рот. Она взять-то взяла, а дальше никак. Глаза вытаращила, задохнуться боится, курица! Я ей начал вопросы наводящие задавать, а прибор во рту оставил. Так вот и

поладили: она ответить пытается, языком шебуршит, а я в итоге через каких-то пару часов допроса накормил ее белком на пару лет вперед.

Так и подмывает вспомнить не вполне уместную классику: «Да, были люди в наше время…»

После пяти часов неумелых попыток борьбы с непослушным мешком закончился его первый вагон. Коля получил тридцать, а он — свои первые, честно заработанные 29 рублей, выданные прямо в вагоне. Тот, кто работал на каре, получал на рубль больше — тогда рубль был еще рублем.

Вы знаете, что такое работа грузчика? Это несколько сот наклонов за подвижным 50-килограммовым предметом, который практически невозможно взять без «кошек», а, взяв мешок, следует поднять его до высоты человеческого роста. Это правильно сложенный поддон и штабель, обваливающийся с завидным упорством. Кто пробовал, тот поймет, почему эта работа стоила таких денег. На итог грузчики получали наличкой от пятисот до семисот рублей в месяц.

Руки и ноги отказывались слушаться, отрывались с непривычки ногти, спина просто не разгибалась, а время остановилось. Мальчик старательно учился сражаться. Он сражался с собственной немощью, бессилием и абсолютно скотской усталостью.

Ему было всего 15, весил он 70 кг при росте всего 170 см… Через полгода он уже будет ходить в «аляске», купленной на свердловской барахолке за 360 (!) рублей, в новеньких джинсах за 190. У него появится первый приличный костюм, который он будет носить по-богемному — с бабочкой, дурак-дураком.

…А сейчас он ехал по зимней дороге в автобусе № 136.

Проснется он уже на конечной остановке от глухого удара собственной головы о билетную кассу. На занятиях будет спать глубоким и ровным сном без сновидений.

Со временем он прослывет среди преподавателей избалованным сыном богатых родителей. Ухитряясь спать на занятиях, окончит техникум со средним баллом 4,75 при одной тройке. Ее поставит бесноватая математичка, называющая его барчуком и хамом. Он будет картинно выходить из аудитории и сообщать директору, что не вернется на занятия, пока это быдло не извинится перед ним.

Работа научила его ответственности и самостоятельности.

А те двадцать девять рублей были первыми и оттого самыми важными по сию пору деньгами.

4. Запах

Враги делают нас всего лишь сильнее, женщины делают нас счастливыми или абсолютно несчастными. Вывод: женщина объективно опаснее любого врага и притягательнее любого друга!

Нет, не запах, совершенно точно — аромат женщины, как говорил герой Аль Пачино в гениальном фильме. Ее аромат — это единственно правдивое сообщение, безадресно выплеснутое в окружающий мир. Женщина врет всегда, врет даже реальностью своего существования, начатого из ребра первого мужчины и мотивированного скукой последнего. Врет, что блондинка, врет, качаясь на каблуках, что она, дескать, «на ноге». Врет, что у нее настоящие ярко-красные ногти, врет, что они не синтетические, как визажист по имени С. Зверев. Врет, что терпеть не может липких взглядов на белье, игриво просвечивающее через гипюр юбки. Врет маме, что задержится у подруги, врет мужу, что осталась у мамы. Врет подруге, трахаясь с ее супругом, что ее муженек стопроцентный урод и что наверняка он в сексе — полное ничтожество. Врет, что стройна, а вовсе не после откачки, подтяжки и протезирования груди (читай: капремонта). Врет, что черноброва и волоока. Полная херня! Все зависит от мейкапа и суммы вклада в него.

Тяга к прекрасному — бред, наслаждение жуликоватого аферист, исполняющего джигу на руинах обворованного банка.

Но запах!.. Запах — это другое. Нет, не тонкий шлейф парфюма, не компот из ароматов дорогой косметики и следов и этапов трудового дня. Нет, именно аромат женского тела — тонкие, еле уловимые флюиды сексуального пароля, знакомого животным гораздо отчетливей, чем нам, мутантам. Речь не идет о жарком лете, вчерашнем белье, общественном транспорте и критических днях — назвать это ароматом может только некрофил. Речь идет о том вполне мистическом и, возможно, самом важном, что вползает в подкорку и сносит всю лирику и логику, притупляет все условности, общественную мораль, этику и остальную чепуху, придуманную людьми для того, чтобы еще больше подчеркнуть значимость половых побед. Это — аромат женщины, неописуемый, каждый раз новый, а значит, необъяснимо, безудержно притягательный маячок той, что кокетливо оставляет в воздухе следы своего эфемерного

существования, парализуя все чувства и желания, кроме одного — острого желания размножаться.

…Он шел следом, не очень понимая, что делать дальше. Тот мальчик с чубчиком внутри него сжимался от ужаса при одной только мысли, что надо будет что-то говорить, а она возьмет и рассмеется ему в лицо или пренебрежительно хмыкнет, передернув плечиком. Он видел ее и прежде, но лишь сегодня понял — нет, уловил! — ее аромат, отравивший его существование и призывно влекущий за собой. Ноги подгибались, лицо, потеряв форму, обвисло под напором гормональных потоков, переполнивших его молодое дикорастущее тело. А она даже не оборачивалась.

Врала, привычно врала, что не видит и не чувствует его. Как можно было не почувствовать взгляд, от которого она вполне рисковала забеременеть, случись ветреная погода! Как можно не обратить внимания на тупо гнущего свою линию шестнадцатилетнего молодого человека с остановившимся от желания взглядом… «Мы выбираем только тех женщин, которые уже давно выбрали нас», — эту фразу он услышал гораздо позднее, но и тогда вполне мог подписаться под каждой буквой вышесказанного. Она вела свою древнюю игру, придуманную не ею и не сейчас, а за несколько миллионов лет до того момента, когда сперматозоид ее папочки настиг-таки вяло убегающую яйцеклетку ее мамочки. Она забавлялась своей властью, обманывая и флиртуя с человеком, который даже не приблизился ближе, чем на три-четыре метра. Женщина! Стоит ли удивляться истории про эдемское яблоко?..

Обернувшись, она «вдруг» спросила: «Молодой человек, который час?» Он чуть в обморок не упал от… Она же упоительно улыбалась, словно спрашивала: «Вы как любите больше — сзади или сверху?» Что-то промямлив, он тут же узнал, что автобусы ходят до неприличия безобразно; что она опоздает в мединститут; что завтра в это же время, в этом же месте она будет снова. После он зачем-то соврал, что ему 18, а не 16. Она соврала, что, дескать, он выглядит старше, а вот она никак не может всех убедить, что ей уже 21, — все типа думают, что 17… Спустя минуты три он рке знал ее адрес и телефон. Ему было плохо, отчетливо блевотно. Спермотоксикоз — это сейчас он знает это слово, а тогда он просто тихо стонал, перегруженный острой животной любовью к этой самке.

Была весна, тепло и тревожно, как в сельской бане. Очень может быть, что трахались даже мышки в норках. Кобели и кошаки так просто пилили своих избранниц, не очень заботясь о разнообразии в позах. Все это не могло не происходить, потому

что в теплом неподвижном воздухе повис аромат его первой женщины. Мир обязан был сойти с ума!

Он не умел целоваться — она нежно и не спеша научила его, он боялся прикоснуться — она обнимала его. Удивительно, но руки сами оказались там, где нужно. Он сгорал от ужаса при мысли предложить ей «ЭТО», а она заводила его в заброшенный парк, где они долго и протяжно целовались под дождем, частично повторяя классический сюжет из индийского фильма — но без песен и танцев. Он чувствовал возбужденным телом ее упругую грудь, пренебрегающую бельем и готовую прожечь своими крупными сосками его смуглую кожу… Он буквально истекал желанием, а она молча и свысока любовалась творением своих уже умелых рук. Туман, забытье, пара часов истерических упрашиваний с пересохшими губами, снисходительные улыбки и веские доводы на тему о том, почему «нет»… Как вдруг они оказались в одной кровати, под одним одеялом. Он трепетал от прикосновения к ее влажной и жадной вагине.

Как он это делал, что именно происходило и как скрипела панцирная сетка — не важно, а потому не интересно. Здесь другое: он научился различать запах женщины. Уже упомянутый сексуальный пароль, отсутствующий по определению в неживых надуманных букетах французского «кожзаменителя», разлитого в стеклянные флаконы и выдаваемого за интимные ароматы, дескать, сводящие вспыльчивых мачо с ума…

Родился мужчина, но маленький, сжавшийся в комок мальчик так и не уйдет из уголка его души. Он, молодой и уверенный в себе мужчина, будет, проклиная себя и завидуя грубо устроенным друзьям, убивать вечер с откровенной дурнушкой, понимая, как ей неловко оттого, что все подружки по парам, а она опять одна и слезливая ночь впереди. Как хорошо знакомы ему эти задыхающиеся в рыданиях ночи!

5. Голова сдохла…

В тайге местные «хрен знает как их звать» занимались сбором пантов, то есть тупо резали молодые рога. После среза их сваливают в чан со спиртом — такая там технология. В этом чане булькает кровь, куски шерсти и кровавые панты.

Геологическая партия работала на условиях сухого закона, начальник партии — зверь-трезвенник, дело было в семидесятые…

Работяги всецело разделяли порывы начальника, но были горькие пьяницы и неимоверно страдали. Вот они и решили попытать счастья в стойбище.

— Аборигены развели короткими руками и говорят:

— Водка нету, сама от жажда чуть живой.

— А это откуда тогда спиртом так шмонит?

— Это нельзя пить — худо будет, голова сдохнет.

— Голова уже сдохла. Показывай, чего такое кашеварите?

— Панты от олешков — страшная вещь, не пей, голова сдохнет.

Перед обезжиренным алкашом стояла мерзостно пахнущая бадья с кроваво-спиртовым раствором и расчлененкой. Он, таки понимая, что жизнь паскудная штука, взял кепку, зачерпнул это и, давясь блевотиной, выпил… Потом сел и истомно закурил.

Пугливые товарищи по несчастью горевали, ожидая, когда «сдохнет голова».

Вдруг хроник подскочил и начал бурно блевать веером. Он резво прокрутил ногами в воздухе, сменив пару галсов, выбежал из яранги и кинулся в кусты.

— Эка невидаль! С такой «тормозухи» еще не так полоснет. Это и есть «голова сдохла»?

— Сдохла, совсем сдохла, — ответил равнодушный сморчок-оленевод.

Товарищ тем не менее из кустов не спешил… А его там уже и не было, как не было его и в окрестном лесу, и в партии, и в округе.

Через пару дней связались с райцентром и попросили вертолет. Впрочем, вертолет не понадобился. Мужика нашли охотники за 200 км от стойбища. Он лежал на берегу реки, с кровавыми ногами и практически голый. Когда через неделю в реанимации бедолага смог говорить, то сказал самое важное:

Я начал блевать и вдруг понял: если сейчас не побегу, то взорвусь, как бомбажная консерва! Вот я и бежал.

А куда бежал?

Прямо бежал.

А волков, медведей не видел?

Да видел кого-то мельком — все от меня врассыпную! Я же прямо бежал… Хорошо, об дерево не расшибся нах!..

6. Dream, sweet dream…

Если вам не нравится сгущенка, в которую случайно упали мухи, значит, вы не солдат и не служите в далеком гарнизоне.

…Нет, резать ее нельзя — это неверно и эстетически не обосновано. Тонкие, ровные дольки сырокопченой колбасы противоестественны так же, как пиво, налитое в коньячный бокал. (Выпить, конечно, можно, но зачем же его греть в ладонях!) Нет, ломать — именно ломать на неровные куски с торчащими по краям уголками рубленого мяса и шпика, с полупрозрачными от жира обрывками восхитительной шкурки, которую могут снять только невежды и вырожденцы из среды революционной интеллигенции. Нет, нормальный половозрелый мужчина колбасу ломает, затем с хрустом и треском разрываемой «кишки» отгрызает от нее крупные, с трудом разжевываемые куски, наполняя рот целым облаком пряных и невыносимо острых ароматов дыма, слегка прогорклого сала и честного, без включений инородных тел, мяса! Это не еда в полном смысле слова, это борьба с нелегким и оттого более желанным удовольствием. Если уже пережеванную колбасу выплюнуть, то даже это не прервет логическую цепочку экстаза: схватить — разорвать — откусить — жевать с полным ртом, не только впитывая тонкий букет продукта, но и наслаждаясь именно процессом поедания, который очень похож: на первобытную охоту.

Сырокопченая колбаса — продукт особый. Пытаться уничтожить его, не подумав о сопутствующих ингредиентах, — смерти подобно. Не успев «забороть» и сотни граммов, остро осознаешь, что, не смыв из полости рта этот терпкий соленый вкус, можно просто захлебнуться уже почти незнакомой слюной. Во всем нужна умеренность. Кружка пива или рюмка водки — это то малое, что *можно* сделать для того, чтобы оказаться в паре миллиметров от нирваны, блаженства, подаренного незамысловатым на вид предметом, исполненным фаллическим символизмом, имеющим подозрительный темный цвет и содержащим измельченные останки убиенных животных.

Кто бы это ни сделал, как бы это ни выглядело, что бы ни находилось в рецептуре — это не стоит даже упоминания. Так туристам не советуют заглядывать на кухню китайского ресторана. Зачем ломать абсолютный кайф от процесса, вникая в

несущественные, а потому второстепенные подробности производства?! Не мешайте копченую колбасу с другими закусками, не ешьте ее с сыром и хлебом. Этого не следует делать так же, как и не стоит добавлять в «Камю» шампанское. Маловероятно, что хороший коньяк выиграет от потусторонних тонов, пускай даже «Вдовы Клико».

Так и с колбасой. Ее надо рвать, жрать, глотать и запивать избранным мужским напитком, освежая рот для новой порции этого фантастического продукта.

Самолет летел рке семь часов, водка была выпита, о газировке типа «Дюшес» никто не позаботился. Так как рейс был военный, стюардесса в короткой юбке и с пышными сиськами отсутствовала, равно как и возможность отовариться напитками прямо на борту. Недоеденная палка колбасы мозолила глаза и яростно напоминала о жажде, раздирающей глотку. Бодун сам по себе засушлив, а тут еще эта гадость соленая.

Его буквально передернуло. С нескрываемым отвращением он бросил слегка обглоданную колбасу себе под ноги и пнул ее вдоль по проходу уже несвежим сапогом. В салоне висел стойкий запах дешевых сигарет, перегара и мужского пота. Ноябрь 1983 года — призывники летели в Краснознаменный Дальневосточный военный округ. Город Владивосток ждал новое пополнение своих «красных» казарм, а потом тайга и отдельный захолустный гарнизон.

Ему часто снились странные, порой парадоксальные сны, но в ближайшие полгода будет сниться только один завораживающим, навязчивыи и несоы- точный сон — оставленная в самолете палка колбасы! Сны… Светлые сны о главном! Он никогда раньше не думал, что голод может быть столь постоянной и важной категорией мировосприятия, по сравнению с которой меркнут даже более острые ощущения: злость, страх и усталость. Очень хотелось есть.

На «точках» кормили на убой. Растащить продукты не представлялось возможным. Тайга — куда их потащишь? В этих лесных закутках офицеры спивались, солдаты от безделья ходили на охоту, постреливая из АКМа по всему живому, а жены кадровых военных дурнели и думали, кому бы еще дать. Но это на «диких» точках, а в полку было голодно и тоскливо.

Советская армия очень любила своих старших офицеров, не забывая о членах их семей. Продукты поедали сначала они и прапорщик с продсклада. Затем младшие офицеры и представители военного оркестра. Потом ели старослужащие и прочие приближенные к кухне, и только после этого «молодые военные» бодро пережевывали пустую ячневую кашу по девять

копеек за килограмм на природной воде из колодца, давясь хлебом неизвестного сорта, по вкусу и цвету подозрительно напоминающим оконную замазку. Отправка в командировку с большой вероятностью означала, что кормить не будут вовсе.

Вы знаете вкус заваренной в котелке хвои, сырых грибов, заплесневелой корки хлеба, обжаренной на костре и поделенной на пять едоков? Нет? Ну да и не нужно вам этого знать. Голод — это холодный, всепоглощающий ужас, беспощадный червь, вылупившийся и подозрительно быстро взрослеющий в вашем желудке. Прав был Эйнштейн в своей теории. Если мерить рацион относительно армейского стола образца 1983 года, жизнь начинает играть радркными красками и почему-то вовсе не хочется сырокопченой колбасы. Да тьфу на нее! Мало ли вкусных предметов на необъятных прилавках современных магазинов, но оглянитесь: возможно, где-то рядом есть человек, которому не суждено дотянуться до этих упоительных богатств. Память о голоде не позволяет судить людей. Единственное по настоящему важное основание для помощи — это протянутая к вам рука, пускай даже не самая трезвая.

7. МС СССР

Если максимально высоко задрать планку, то есть вероятность, что вы хоть куда-то прыгнете.

Армия — это очень специальное место, вдаваться в ее конкретное живописание не будем ввиду необъятности и неблагодарности темы. Слегка не дослужив «срочную», он поступил в военное училище и теперь уже заканчивал его.

Выживший из ума комбат по фамилии Кобзарь героически ковал кадры для МО СССР. Потертый дедок пятидесяти (!) лет нырял в несуразный тулуп, взятый, видимо, напрокат у знакомой сторожихи, и читал прошлогодний, наверное, номер газеты «Правда» для военных, одетых в «повседневную форму одежды». На улице стоял тридцатиградусный мороз, шла сороковая минута читки. Газета до обидного быстро закончилась…

— Куда, бляха, деваются погоны?!

— Ты должен быть, как брррoня!

— И так далее, и так далее, как говорил Леррр- монтов!

— Говно не каменный уголь! Не надо стесняться!

— Шахтеррры масло не жрррут, а вы, бляха, жрррете!

— В садике — «золотой», в школе — «золотой», а здесь — говно! Говно взяли — говно выпустим!

— Вы не видали — я видал! Полк, нале-е-ево, огонь, вашу мать! Он упал и лежит, а полк напр- рр-раво и шагооом марррш!

— Вы мертвые лежите, вы агитаторрры, на вас, падла, военная форррма понадета!

— Хочу — не хочу! Я, может, Маргарет Тэтчер хочу — отодрал бы как учебно-боевую лярву, так она все ракеты на хрен поснимала бы!

— Сегодня суббота, вот что обидно! Суббота с воскресеньем нам несет… Почему мне не несет?!

— Потискал Манюню в мужском туалете — и домой ее шагом марррш!

— А то в самоволке — устав нарушать. Назад, бляха! И не поможет тетя Грррриша, она кричит: «Я инвалид!», а мне насрррать — я Рррodину защищаю!

— Залез в танк, кнопки нажимай, башней крррy- ти, и петь надо громче. И — А — у — А! Жалюзи от- крррой!

— Я через три козла и коня прыгал — был молодой, а у вас трусы в полете рвутся. Отставить, вашу мать!

— Дочка принесла маленького такого, ну, этого… Пушистый такой, как в кино. Я ему: «Ком, ком цу мир, майн либер». Он, падла, ползет, а я ему: «Газы, сука!». Он обосрррался и померрр! Потому что понимает, а курсант ни хрена не понимает!

— Потому гегемон — гегемон не дрррремлет, собаки лают, а у них пистолеты!

— Пускай безобрррразно, но единообрррразно. В строю — я ваш спаситель, вне строя — я ваш то- питель, и не надо мне тут! Я к генералу на доклад хожу — ширинку на все пуговицы и проволоку закручиваю, потому полковник Кобзарррь.

— Ну как с вами воевать? Как с вами воевать, когда без барабана ходите туда-сюда?

— Демократия — это высшая стадия диктатуры. Диктатурррры — я не боюсь этого слова! И так далее, и так далее, как уже говорил Лермонтов!

— Углы будем круглить и делать из говна конфетку, потому я пулеметные курсы кончал. Это вам не теорррремами голову темнить, хотя старый стал, со всех дыр течет.

– ~ Думая, думай, бляха, чтобы на лбу рррог выр- ррос, но пилотку не сметь в 3,14зду превращать!

— Захожу в пятую роту, а там гуяки летают. Пре- крррратить! Мы не летчики, а танкисты!

— Газы! Нет, ни хрена!.. Вспышка слева — куда головой надо падать? А туда, куда только что яйца полетели!

— Гегемон, я вам покажу, бляха, падла, гегемон!

У спортсменов в училище было одно неоспоримое преимущество. В силу перманентного пребывания на сборах, наличия плановых тренировок и особого отношения к ним генерала, бывшего спортсмена, они были этакой кастой брахманов среди курящего и жуликовато-пьющего военного быдла. Соответственно, прослушивание «классика» военной мысли сводилось к минимуму, хотя иногда происходил отлов «физкультурников» с постановкой в строй — экая незадача!

Каратэ закрыли, кажется, в 1983 году, он даже не успел попасть в спортроту, хотя не проиграл за последние три года ни одного соревнования. В училище интуитивно пришел в офицерское многоборье. Во-первых, название красивое, во-вторых, стрельба из пистолета, плавание и бег. Была еще, правда, гимнастика, по сложности и содержательности недалеко ушедшая от комплекса вольно-военных упражнений на шестнадцать счетов.

К четвертому году он уже стабильно выполнял норматив КМС — 3200 очков, и мечтал о 3400 — нормативе МС СССР. Ввиду сложного характера с руководителем команды уживался плохо — пару раз даже вылетал в «строй» со сборов, но тупо гнул свою

линию и опять оказывался в спортивном комплексе. Тренировался уже по собственному графику, очаровав гражданских тренеров по плаванию и стрельбе. Благо обе были молодыми дамами и благодарно впитывали то, что им лили в уши. Дамы отвечали на ухаживания взаимностью и тренировочными программами. Через полгода индивидуального тренинга он рке набирал норму мастера на трех видах из четырех. Нос задирался к электропроводам. Он отчетливо почувствовал себя главным перцем «нашего микрорайона».

Судьба редко с ним заигрывала, а уж если хотела что-то пояснить, то делала это с прямолинейностью кувалды.

…Он торопливо сбегал по обесточенному подъезду, перепрыгивая через две-три ступеньки. Бегун хренов… В самом темном месте, прямо около дверного тамбура одной ступенькой оказалось больше — нога предательски хрустнула. Он рухнул, завыл, схватившись за стопу. Прошло, пожалуй, минут пять, а он все еще протирал своей манерной «Аляской» заплеванный пол. Нога сразу превратилась в подобие уродливого воздушного шарика.

В травмпункте сонный врач посмотрел на не очень удачный снимок и обронил:

— Да ничего страшного, кости вроде целые, связки, наверное, порвал, ну и сосуд какой-нибудь. Короче, не ссы — плясать еще будешь.

— А у меня соревнования через три дня. Я смогу выступать?

— Конечно, сможешь, если соревнования по шашкам А вот если по шахматам, то я бы воздержался — может быть осложнение на нервной почве.

Увидев его на костылях, начальник кафедры умело и сочно выругался, вспомнив все этапы его зачатия и родителей, а заодно позволил себе усомниться в традиционности его теперешней половой ориентации.

Через некоторое время полковник все же сумел сформулировать вопрос.

— Что, на округе, значит, не выступаешь, скотина тупая?!

— Очень даже выступаю, — бодро ответил ему хромой товарищ старший сержант.

— Ну-ну, выступатель…

На мандатную комиссию он пришел, засунув почерневшую уже ногу в старый добрый советский голеностоп. Теперь таких и не делают. Нога уже не гнулась, что хоть как-то снижало дикие прострелы.

Первым видом была стрельба — для него ведущий и самый важный раздел многоборья. В ней он достиг самого ощутимого

прогресса. Видимо, из-за угнетающей боли и полной отстраненности от нервной составляющей процесса производства отверстий в бумаге он отстрелялся так, что дух захватило, сразу перебравшись в верхнюю часть рейтинговой таблицы соревнований.

Обколов ногу новокаином, весьма средненько выступил по гимнастике, сохранив однако положение в таблице. Удивительно, но на ногу никто не обратил внимания. Для откровенного лоха, начавшего плавать в двадцать один год, он обычно плыл достаточно бодро: 100 метров вольным стилем по длинной воде за 1,15. Голова отказывалась верить в худший результат, температура незамысловатого тельца к тому времени была уже 38 градусов. Только в душевой бассейна тренер Рехтин из Свердловска увидел его «валенок» — кроваво-сине-черную ногу, раздувшуюся от колена до стопы включительно. По бассейну прокатился интриганский шепот: «Да он ни плыть не будет, ни на лыжах бежать. Ловите подставу! Вот танкисты сейчас вляпаются!»

Поплыл, неуклюже толкнувшись от тумбочки одной ногой и плюхнувшись боком на «дорожку», греб, протяжно визжа в воду от боли и ярости. Если бы какой-нибудь маг-чародей провокационно спросил его: «А давай ножку оттяпаем, но ты добьешься того, что хотел», то он совершенно точно ответил бы: «Легко! Режь!» Вода казалась кипятком. Не хватало дыхания, не хватало длины гребка, ноги висели сзади, как два куска дерьма на хвосте дворового Тузика. 1,23 — чистый позор! Рейтинг после периода эрекции печально обвис до середины таблицы, а мастерский норматив виделся ему чем- то вроде полетов Дэвида Копперфилда. То есть выполнить как бы можно, но иди и сам попробуй пробежать на одной ноге 10 км чуть быстрее собственного лучшего времени — чистый фокус.

Ночь он провел в ознобе и кошмарном полусне. На утро не мог заставить себя проглотить кусок курицы… Голеностоп, бинт, пара кубов новокаина, пара горстей аспирина, какие-то антибиотики, какая- то мазь, что-то дали понюхать — фу, нашатырь. Спасало то, что всю зиму тренировал коньковый ход. К тому же дело было в марте — лыжня жесткая и «теплая».

На старте голова просто тряслась, по показаниям очевидцев, цвет лица напоминал стену в гауптвахте. Очень цомогли ребята-лыжники из сборной округа. Видя такую беду с ногами и зная решимость этого «идиота», они согласились вести его хотя бы на 37–39 минут.

Он поставил «валенок» в лыжню, а здоровой ногой начал толкаться так называемым полуконысом. Благо техника не блистала совершенством и в лучшие времена, даже тогда он бегал

в основном за счет рук… На каждом повороте трассы в его обезумевшие от боли и усталости глаза заглядывали представители всех команд, недоуменно констатируя: «Да вроде он! Ничего не понимаю — я же своими глазами ногу видел».

Когда он вдруг начинал «засыпать», на него, обернувшись, орал впереди бегущий «сборник»: «Быстрее, не сдувай, хрен ли спишь!» Захлебываясь собственными соплями, «просыпаясь», он начинал орать, кровь возвращалась в голову, и снова практически на одних руках он рвал эту бесконечно белую линию, виляющую перед глазами. Голова заунывно гудела, последние километры дороги он почти не видел.

Глухо рыдая и хрипя, ничего не понимая, он продолжал бежать вперед. Уже не для того, чтобы набрать какие-то там очки или получить какой-то значок с буковками — бежал потому, что нога, сволочь, пыталась растоптать своей болью его волю, унизить его, заставить захныкать, уступить вполне понятным смягчающим обстоятельствам.

На финише его схватили и остановили. Не удивительно, что он упал и долго бился в истерических конвульсиях. Корчился, не стесняясь своих слез и людей, удивленно смотрящих на буйно помешанного, забрызганного всем, что ему удалось выделить: соплями, слюнями, слезами.

Пробежал гораздо быстрее 37 минут, получив более тысячи очков и набрав в итоге 3600, что на 200 очков больше норматива мастера спорта. Да причем тут мастер спорта?!

Начальник команды, который его так недолюбливал, подошел к молодым ребятам и сказал:

— Идите и посмотрите на него! Если вы не прибежите с такими лицами, лучше даже не выбегать.

Стоило попробовать сделать это, хотя бы для того, чтобы узнать про себя так много нового…

А через неделю повторный снимок покажет, что у него, оказывается, была сломана кубовидная кость стопы. Как замечательно, что он этого тогда не знал, хотя ничего и никогда не происходит с нами случайно.

8. Учебник истории

Человек выглядит так, как он себя представляет. Так оно и есть!

Всё — выпуск! Каких-то пару недель, и вы уже не бесправные курсанты, а буквально господа офицеры (товарищи, конечно, — правда, не ясно чьи). Как всегда, перед «госами» строевые смотры и прочая ритуальная чепуха. Нога работала еще неудовлетворительно, хотя на дворе был вполне взрослый июль.

Жизнь военного спортсмена — очень странная штука. Как бы ясно, что армия и дисциплина, как партия и Ленин, без сомнения, близнецы-братья. Но любое исключение лишь подтверждает правило — сборная команда высшего военного училища по своей разношерстности и разгильдяйству отчетливо напоминала толпу пленных румын времен Второй мировой. Военная форма за отсутствием острой надобности передавалась более военным и менее экипированным, неспортивным собратьям по оружию. Спортивная форма образца 1983–1988 гг. — это гротескная пародия на сегодняшний сэконд-хэнд. То есть «кто во что горазд», и то, «что осталось» от старших товарищей по команде.

На строевой смотр он вышел в том необходимом для этого события, что вся команда сообща ухитрилась собрать по ящикам в каптерке: коротковатые и узкие форменные брюки, собственный широкоплечий китель с погонами старшего сержанта. Видавшая виды фуражка чудовищного размера чудно повисла на ушах, придавая лицу патриотическое выражение и не оставляя у вероятного противника сомнений в том, что этот военный и есть угроза миру и демократии. «Вершиной» формы одежды были ботинки — они же «гады». Претерпевшие в свое стародавнее время не вполне успешный тюнинг, они были манерно длинны, остры носами и вызывающе стоптаны. Гады — они и есть гады.

После контрольного осмотра ему захотелось написать на груди мелом сакраментальное из школьной программы: «Филиппок в школу пошел». «Ну да ладно, хуже относиться уже не будут, лучше — уже не успеют, нового ничего не увидят. Так какого хрена?!» — шагом марш, в строю смотреться!

Легендарный полковник Кобзарь ушел на более чем заслуженный отдых, но от армии ни ногой — стал возглавлять в училище вольнонаемных сантехников и получил почетное звание «короля воды, говна и пара». Сантехнические забулдыги с отсутствующим видом выслушивали многочасовые тирады военного пенсионера, что никак не влияло на скорость и качество

выполняемых ими работ. Кобзарь, будучи членом партии, конечно же, с ними не пил, что значительно осложняло установление обратной связи с теперешним невменяемым личным составом.

На замену трухлявому комбату пришел новый, только что произведенный в подполковники военный с характерной фамилией Козлов. Догадайтесь, как его величали окружающие, пока он не слышал. Есть одна болезнь, очень сходная по своим признакам с «детской болезнью левизны в коммунизме» (В. И. Ленин). Как только майор становится «подполом», с ним происходят разительные перемены. К слову сказать, полковники вообще перестают быть людьми в полном смысле этого слова и становятся просто полковниками. Да простят автора представители вооруженных сил, но в своем подавляющем большинстве генералы — это окончательно выжившие из ума полковники, случайно оказавшиеся чьи- ми-то родственниками.

Подполковник Козлов сверкал девственными звездами на новехоньких погонах, поглядывал в зеркало на свою военную фигуру и поправлял военные усы. Военные глаза пучились от собственной значительности. Орал он так, что гундос Кобзарь ассоциативно вспоминался только как некое подобие милитаристического Санта Клауса.

Итак, строевой смотр. Все военные, как и положено, в парадной форме одежды, то есть ножки в сапожках, поясок затянут. По причине имеющейся справки не вполне здоровая нога была помещена в ботинок, впрочем, как и вторая, более удачливая, конечность. «Гады» были с отвращением начищены и нагло блестели, очень напоминая два чудовищных по размеру утюга оригинального демонического цвета.

Козлов молодцевато продвигался вдоль строя курсантов, отпуская военные остроты типа: «Яйца подтянуть, попец прикусить, трусы не жевать, козявки не есть, пердеть по команде, короче, смирррррно!» И шел дальше, любуясь своими военно-модными свежепоглаженными сапогами. Хромачи антрацитово блестели, скрипели и отражали на своих несгибаемых голенищах картины военного бытия.

Следует добавить, что у нашего героя, помимо «удачно» подобранной формы, существовал еще один нюанс внешнего вида: бритый затылок и экстремально короткая прическа типа «туго и упруго» — полубокс по гражданским меркам. Данный образчик висит в виде инструкции в любой бытовой комнате любого подразделения, но как только военный пытается применить это на себе, командование расценивает столь точное соблюдение уставных норм как издевательство над этими самыми

нормами. Товарищ старший сержант, стоящий в строю, был, вне всяких сомнений, издевательством над самым святым после знамени части понятием— внешним видом!

Козлов как-то краем глаза зацепился за инородное тело, хрен знает во что одетое. Буквально запнувшись, он впился глазами в эту «образину», которая не мигая смотрела на отца-командира, решительно оттопырив уши под нависающей фуражкой.

— Командира взвода ко мне! — заорал комбат, не спуская взгляда с потустороннего старшего сержанта.

— Это кто?! Нет, это что?!

— У него справка: нога поломана, на реабилитации!

— Оторвать, бля, эти ноги и воткнуть обе мосолыги в сапоги!

Виновник диспута весь жестко подобрался и затих, прожигая резвого комбата немигающими стеклянными глазками из-под козырьков бровей, фура- га, потеряв точку опоры, полностью закрыла лоб. «Филиппок» явно хотел бодаться, но пока табуреточно плотно стоял и бледнел звероватым лицом, явно набирая критическую массу для взрыва.

Вдоль строя с другой стороны, не обращая внимания на приветствия и доклады, упруго шагал генерал-майор Бельников, начальник училища, при котором оно стало чуть ли не ведущим спортивным вузом МО.

При генерале комбат разошелся уже с буквально показательным рвением:

— А ну, арестовать этого недоделанного! Трое суток гауптической вахты за издевательство над военной формой!

— Есть, — ответил старлей, командир взвода.

А что еще он мог ответить?

— Козлов, ты кого тут расстрелять решил? — между делом спросил генерал и уж совсем было пошел дальше, однако…

— Да вот, какой-то придурок хромой в ботинки вырядился на строевой смотр! Да еще и рылом стоит, целится — чисто гуманоид.

Генерал повернул голову и увидел одного из своих спортсменов.

— Подполковник, да это пугало сделало для училища больше, чем весь твой сраный батальон, вместе с тобой во главе!

— Товарищ генерал-майор…

— Молчать, подполковник! Приказ об аресте отменяю своей властью, а вам посоветую не рычать на личный состав, а вникать в новые условия службы. Это вам не стройбат, и здесь вам солдатик картошку из столовой в рюкзаке не сопрет! Шагом марш на свое место!

Комбат разом перестал блестеть и лосниться. На неожиданно

сдувшихся ногах он поплелся в голову строя. «Одноногий» старший сержант, так и не проронивший ни слова, выпустил воздух и вытер моментально взмокший лоб.

На собрании офицеров батальона по итогам строевого смотра подполковник Козлов сидел во главе стола, меланхолично подперев любовно причесанную голову кулаком. На него через стол с прищуром смотрел засиженный мухами бюстик Ленина. Судя по длительной паузе, комбат и Ленин знали, о чем они молчат.

— А как фамилия, ну этого, как его… старшего сержанта? А, ну да, и фамилия соответствующая. Когда я его увидел, я вспомнил учебник истории.

Офицеры недоуменно затихли. Какая связь между общеизвестным своеобразным сержантом и учебниками?

— Так вот, я вспомнил учебник истории, а на обложке у него неандерталец с дубиной — рожа один в один! Нарожают дебилов с похмелья — и всех в училище вместо унитаза!

Собрание было сорвано, но не всем же быть симпатягами — надо же кому-то и Родину охранять, затыкая прорехи в обороне… лицом Кто видел, о чем, точнее, о ком спич, тот поймет, что наша обороноспособность вне критики и вне логики.

Следовательно, мы непобедимы!

9. Первый

Все мы когда-то впервые обжигаемся, но есть вещи, которые лучше не трогать, ввиду чрезмерности ожога.

Когда он взвалил парня на спину, солдатик очень странно выдохнул, вроде как гортанно захрипел и затих. Да нет, живой, наверняка живой, вот и дышит.

Ночь была из тех, когда глаза только мешают, не давая никакой информации, но оставляя глупую надежду, что, может, вот ракета или фонарь какой, ну хоть бы сигаретка где подмигнула бы угольком. Ребята разлетелись веером и даже почти не стонали. Ему повезло, ему вообще в такие минуты странно и часто везло. И вот он уже ползает по снегу и трогает шеи неподвижных тел, пытаясь понять, что это за маслянистые пятна вокруг и на месте ли ручки- ножки у этого восемнадцатилетнего ребенка, с жестоким юмором переодетого в военную форму…

Солдат — это человек, обязанность которого, подчиняясь приказу, убить врага, а офицер должен указать на этого врага и добиться того, чтобы солдатик боялся его, офицера, настолько, что был бы готов идти убивать незнакомого страшного дядю. Человек, решивший призывать на службу в ВС детей в возрасте восемнадцати лет, был, как минимум, агентом ЦРУ, как максимум, врагом своей страны. Ничего более опасного для боеготовности этого государства не было сделано даже блоком НАТО.

…Ноги вязли во вражеском снегу, а вражеский воздух отказывался делиться кислородом. Мальчик на его спине обмяк и потяжелел, голова, переливисто хрустнув, свалилась с плеча. Поздно — не донес, да и не мог донести, потому что сразу было ясно, что всё — готов.

Аккуратно и зачем-то бережно он положил тело на снег. Вокруг суетились невидимые и оттого неприятные люди. Сев в сугроб, остро почувствовал всю свою беспомощность и никчемность: «Вот ведь — умер! А я жив. А донести не сумел». Голова упала на грудь, тело загудело каким-то внутренним, монотонным воем.

Он разом подскочил, будто проснулся. «Там ведь еще есть кто-нибудь!»

На снегу сидел рыжеватый паренек без шапки, со странно

вывернутой рукой и все пытался ее поправить.

— А что было-то? С нами что было-то?..

— Заткнись! Ходить можешь?

— А что случилось-то?..

Он хлестко ударил парнишку по лицу ладонью.

— Заткнись и держись за разгрузку.

— Ой, рука, рука!..

— Ну вот, хоть в себя пришел.

Парень, придя в сознание, тут же его и потерял и обвис кульком. Пришлось уложить его на манер мешка с мукой, благо мешочный опыт имелся в изобилии. Вися на плече, боец ритмично и безвольно раскачивал ногами. Они оказались последними, кто смог выйти к транспортеру.

Медсестра, до неприличия молоденькая девица, никак не могла снять бушлат, солдатик живо отзывался на каждое ее движение щенячьим повизгиванием. Резать ножницами сырой ватник оказалось делом неблагодарным. Реально непонятно, кому было хуже: солдатику или сестрице.

Он молча сидел в комнате, пахнущей эфиром и йодом. Здесь было тихо и уютно. «Еще бы пацан не скулил и рука бы у него так нелепо не торчала в обратную сторону…» Когда что-то мешает, хочется Прекратить это раз и навсегда. Так, например, порой логичнее решительно выкинуть брюки, нежели Мучиться над выведением омерзительного пятна на Станице.

— А ну, дай-ка я, — скомандовал он и, не дожидаясь ответа сестрички, достал нож.

Солдатик затравленно дернулся в сторону — на Него увесисто надвигался окровавленный и неузнаваемый мужик с ножом в руке. Бушлат разлетался резко и жестко, через пару минут на кушетке сидел худенький, почти прозрачный ребенок со сломанной рукой и неуместными веснушками на плечах, от него даже пахло не прокисшим портяночным потом, а теми пирожками, которые мама, смахивая слезу, заворачивала ему в дорогу полгода назад.

Полный бред! Просто пушечное мясо… За что они так с чужими детьми?! А их манерные сыновья сейчас наверняка бурбон со льдом потягивают и размышляют, где сегодня «зажечь» и какую «телку» задрать. Бывший мальчик «из-за гаражей», он до аллергии ненавидел сытые военно-московские рожи выпускников училища им. Верховного Совета и прочих генеральских колыбелей. Но, как ни странно, этим выпускникам, как и их уже реализованным предшественникам, было глубоко насрать на него и дистрофичных ребят в настоящих погонах и с настоящими дырами в давно не мытых головах.

Первый раз на его плече умер человек. За что, за кого — непонятно… Умер за непонятное в непознаваемой и такой болезненно любимой, нездоровой стране.

10. Сера, разведенная в масле

«То, что нас не убивает, делает нас сильнее», — говаривал старина Фридрих. Только взглянув на события со стороны, по прошествии многих лет, начинаешь понимать, как он прав.

Это же надо было додуматься до такого без кавычек душещипательного сочетания, как сера, да еще и разведенная в персиковом масле, да еще и для внутримышечной инъекции! Сложно предположить, что дядя-изобретатель смешивал все это, да еще и испытывал, чтобы экспериментальным путем добиться столь поразительного эффекта, который достигается легендарным препаратом под наводящим ужас названием «сульфазин».

Представьте хлорную известь на новокаине, или уксус на физрастворе, или вытяжку жгучего перца на том же персиковом масле. Все эти несуществующие и ужасающие по определению сочетания не особенно безобиднее всё разъедающей серы, впрыскиваемой в трепетные ягодицы отечественных психбольных и прочих диссидентов.

Не важно, что было перед этим, где он служил и куда отправлялся в командировки, — все это пока что секрет (приказ № 0010). Важно то, что даже его тренированная и, казалось, такая подконтрольная психика дала сбой. Он кинулся на безбоязненно хамящего командира и чуть было не покалечил его.

Начальник был совершеннейший «скунс неприятный» паскудности небывалой. Впрочем, за время службы выяснилась железобетонная истина. Командиры маленького роста и щуплого сложения — редкие сволочи, коктейль из комплекса неполноценности и комплекса власти. В психиатрии это, кажется, называется синдромом Наполеона и характеризуется болезненным желанием шмакодявки трахнуть всю планету и невыносимым зудом в части отношения к более крупным и сильным особям.

Выходка не прошла даром. Начальничек всеми силами пытался угробить его карьеру, стараясь тем не менее не сталкиваться лицом к лицу в штабных коридорах. Но чем извращеннее были подковерные телодвижения этой букашки, тем отчетливее и живее он стал видеть сон, как душит и рвет зубами эту «генетическую ошибку». Будучи не самым тупым человеком, он понимал, что однажды может просто сорваться и совершить

уже непоправимое, а с учетом доступности орркия и постоянных командировок «в поле» эта вероятность умножалась на восемь, а то и десять!

Начмед был в курсе всей «оперетты» и настоятельно порекомендовал посетить госпиталь.

— Как-то у вас, голубчик, с нервами не вполне замечательно, м-да…

Психиатр в госпитале, не проговорив с ним и десяти минут, сразу напрягся лицом и корявым, для гиппократского форсу, почерком накидал направление на психическую реабилитацию. С учетом семи черепно-мозговых травм различной тяжести и участия там-то и в том-то подобный шаг был вполне обычен, так что у вышестоящего начальства удивления не вызвал.

Положили не в госпиталь, а в дорогое гражданское лечебное учреждение. К тому времени с деньгами у него особых проблем не было — заплатил здесь, договорился тут, и вот он уже в приемном покое. Ногастая врачиха за тридцать грудным голосом поинтересовалась, кто его привез и почему оставили без присмотра. Отвечал невпопад, не отрывая взгляда от нюансов теткиного белья и фасона тончайшего белого халатика, сделанного, видимо, с учетом африканской жары и призванного в силу своей экстремально короткой длины оставить загар ровным до самой поясницы. Для лошадки от медицины подобное обстоятельство новым не казалось, и она привычно напоминала о своем присутствии вопросами типа: «Молодой человек, вы меня слышите? Але-але, я здесь! Дайте сюда кисть».

Она зачем-то провела пальцем по ладони и констатировала:

— У него сухо, а его сразу к нам, хм… У него и вправду были не свойственные для буйно помешанного сухие ладони. Идиоты, видите ли, потеют обильно, причем руками. Скорее всего, он был очень специальным идиотом. Вот же, блин, и здесь отличился.

Отделение оказалось премилейшим: цветочки, шторочки, если бы не решетки на окнах и отсутствие ручек на дверях, то почти санаторий. Лишь одно было вообще запредельным — окно. Прозрачное окно в туалетной двери без шпингалета. Интимно нагадить не удавалось по определению, а так как отделение изобиловало военными и полувоенными типа генерала с железной дороги, которого мучила «белочка», то постоянные советы и комментарии сыпались в изобилии, превращая процесс испражнения в «яйцекладку», «пастодавление», «откладку личинки», ну а просьбы насрать «пистолетиком» просто сыпались со всех сторон. Нехватка общественного движения компенсировалась пристальным и, учитывая специфику больных, идиотским вниманием к мелочам жизнедеятельности.

Напоминание о статусе душевнобольного прилетело с поразительной быстротой. Бабулыса-сани- тарка с мясистым добрым лицом намывала пол, убаюкивая обглоданную психику мерным покачиванием фундаментального зада, помещенного на надежные короткие ноги. Мыла руками, без швабры, чудом не касаясь пола морщинистыми и очень динамично болтающимися грудями.

— Слышь ты, козел, не хрен стоять — пулей мне воду поменяй, — с материнской улыбкой промурлыкала она вместо: «Жили-были старик со старухой…»

— Тетя, то говно, которое ты с утра спорола, было несвежим, — парировал он, удивляясь галлюценогенности разговора в целом.

— Да я тебя, падлу» в клетку упакую, — так же умильно проворковала бабуся. — Да я санитаров сейчас…

Больной сделал по-идиотски озабоченное лицо и стал приседать, разводя руки в стороны, однозначно имитируя разминку перед боем.

— Волоки их всех сюда. Последний бой — он трудный самый…

То ли мускулистая фигура, то ли явный идиотизм ситуации сыграли свою роль, но бабулыса в который раз нежно улыбнулась и всего лишь обронила:

— Вот же долбоёб!..

Затем взяла ведро и, по-утиному переваливаясь, грузно покатила свое тело за свежей порцией воды.

Потом они подружатся, она окажется милейшим и безобидным человеком, что вовсе не означает, что она считала психов настоящими людьми.

Медсестры были молоды и страшноваты, а потому сексуально переполнены. Через пару дней он рке смело хватал их за ягодицы, а они вяло отбивались, не скрывая возбуждения. В итоге дверь, ведущая на улицу через пищеблок, была для него открыта, несмотря на тюремную дисциплину в организации. Свободой не злоупотреблял, но его до странного пугала перспектива потери физической формы. В ту пору он имел 72 с половиной килограмма вполне тренированного мяса и вовсе не хотел изменений этого положения вещей. Открывал пищеблок, забирал спортивную форму из кухонного стола и бегал пятнадцатикилометровые кроссы за час (то есть по четыре минуты на километр — о как!), убивая свои тяжелые служебные мысли и, возможно, лишние калории. Дурдом находился в лесу, рядом имелось даже небольшое озеро, где вполне можно было искупаться после пробежки.

Обследование шло своим чередом После недели ударной, сверхплановой сдачи анализов он попал на прием к своему лечащему врачу — обладательнице еврейской наружности, несексуальных лет и деревянного неподвижного лица. У дамы была красивая славянская фамилия Шмидт, ученая степень кандидата медицинских наук и огромные очки, через которые она воорркенно-мерцающе смотрела на «проявления объективной реальности, данной нам в ощущениях» (В. И. Ленин). За все время пребывания в дурке больной так и не отделался от навязчивого, но вполне естественного желания спереть эти самые очки и выжечь на подоконнике: «Слава КПСС!»

— А что, молодой человек, почему-таки вы не сняли с шеи золотую цепь с крестом? Вы что, с распорядком не близко знакомы?

— Да нет, знаком. Просто я человек набожный, а крест у меня только золотой, другого нет.

— А кому это интересно, я вас умоляю? Снять и сдать родственникам, сделайте такое нежное одолжение, на первом же свидании. Да, еще одно! Иду я на службу в прекрасном настроении и вдруг вижу молодого человека, бегущего по лесу, очень похожего на вас. Вы бежать не можете, потому как у нас больные по лесу не бегают — они у нас уже даже не сидят, они у нас уже лежат! Так это, видимо, брат-близнец. Вы ему таки передайте, что если он еще раз будет замечен в окрестностях больницы, то вам изменят режим содержания.

— А что за режим?

— Еще один вопрос, и будет что внукам рассказать, если, конечно, маразм к тому времени в ежика пыхтящего не превратит.

Пришлось предусмотрительно замолчать. Служба в разведподразделении формирует простые и надежные навыки. Его больше никто не видел в лесу, никто не знал, когда и насколько «болезный» исчезал из поля зрения Пиночета.

Так величали старшую медсестру, всеслышащую и всевидящую гром-бабу. Эта тетя была ветераном психиатрического фронта, сидящим в отдельном (!) микроскопическом кабинете, сделанном, видимо, с пятимиллиметровым припуском от ширины ее необъятных ягодиц.

Навыки навыками, но он не учел фискальные способы сбора информации. Какая-то больная сволочь накапала администрации, что в хозблоке хранится спортивная форма Девку уволили или перевели в другое отделение, а его вызвала к себе Пиночет. Ситуация отягощалась тем, что времена были еще тяжелые.

Кроссовки не просто стоили денег, их было не купить, не говоря *уж* про трусы и майку с волшебным названием «Nike».

— Твое?

— Мое…

— А что это ты так на меня зыркаешь? Сейчас возьмешь ножницы и все порежешь на тряпки, а ботинки эти аляпистые — пополам.

— Что-о?!

— Молчать! Сейчас санитаров вызову! В клетку, в клетку упакую!

— Ах ты, сучка толстомордая, об меня, как о бомжа вонючего, ноги вытирать?! — он подался грудью на человекообразную свинью с крестом во лбу.

Пиночет пронзительно заверещала, налившись соком, поразительно напоминая Синьора Помидора из цветного мультфильма. Она заслонилась короткими пухлыми ручками и на одной ноте выводила, закрыв для уверенности поросячьи глазки:

— Саааанииииитааарыыы!..

Зрелище было настолько уморительным, что он прыснул и буквально загнулся в припадке гомерического хохота. Прибежавшие санитары оторопели. Картина была еще та Заливающийся слезами, скрюченный в конвульсиях хохота знакомый им «военный», и потерявшая дар речи и возможность подняться со стула, нервно всхлипывающая и булькающая соплями Пиночет…

— Что случилось?

— Да ничего, скучно было. Я состроил рожу и спрашиваю: «Галина Васильевна, а как вы относитесь к анальному сексу?» Ну и глаза вот так, и губу закусил. Откуда я мог знать, что на нее былое нахлынет и каскадный мультиоргазм накроет. Вон как колбасит сердешную. Принесите ей ведро для анализов, а мне — утку и кислородную подушку.

Санитары ползали по полу, а у него случился тот приступ смеха, который убивает пресс, не дает дышать, а когда через пять-десять минут, взяв себя в руки, замолкнешь, стоит взглянуть в пунцовое лицо соседа, и вот уже снова бьешься в судорогах, прося окружающих о пощаде.

Форму не порезали, а просто отправили на склад, а вот с ним стало происходить что-то неладное. Он вдруг стал «притормаживать». Идя «на горшок», натыкался на кресло или стену и замирал в оцепенении, ощущая себя частью неживой природы. Хорошо еще, под себя ухитрялся не надудонить, видимо, сказывались железная воля и годы тренировок!

Как-то с утра, находясь еще в относительной прозрачности

мыслей, он попытался проанализировать причину такого глобального отупения. Скорее всего, «это» не в пище, а в тех витаминках-таблетках, которые Пиночет выдает. Неужели травит, падла?

Прежде чем проглотить пригоршню, он попытался визуально определить, что пьет. Надо сказать, к приему лекарств в дурдоме относятся, как к полковому знамени — с трепетом и соответственной ритуальной частью. Больной берет горсть «колес» левой рукой, закидывается и запивает из одноразового стаканчика в правой руке, после этого следует показать руки и открыть рот. В особых случаях Пиночет берет какую-то медицинскую хреновину и ковыряется в полости рта — вдруг больной по растерянности чего не проглотил. «Они, психи, чисто дети незапланированные, живут исключительно с одним девизом: «Время срать, а мы не ели!» Овощи беспонтовые! Что с них взять, кроме бакпосева?».

Среди обычных и знакомых витаминов, реланиума, ноотропила и глюконата кальция он заметил забавные белые капсулки. Точно такие же лежали в чудовищной по размеру банке с надписью на латыни, что-то вроде «неулептил», и примечанием на русском: «Только для клиник». Как фокусник Акопян, он непринужденно зажал это маленькое «муравьиное яйцо» между пальцев и картинно выпил препараты.

— Рот покажи, — процедила «бомба».

— Вот ведь какие фетиши у людей есть. Кто овечьи шарики под языком катает, кто соседские носки нюхает, а кто пломбы у молодых людей считает! Да будьте любезны, как псих — психу! Да с нашим пониманием, все для милых дам!..

Так он избежал первого за неделю впадения в столбняк. Нашел матерого шизика и выяснил у него, что эти малюсенькие капсулы — швейцарский корректор поведения, синтетический наркотик, забивающий психику до состояния полного отсутствия на этой планете. Недопитые капсулы с восторгом принимались местными наркотами и имели бешеный успех.

Месть «кота Леопольда», видимо, не ограничилась только выходкой с таблетками. После очередного обхода его отправили для беседы к светилу отечественных помешательств. Профессор оказался артистично-болезным на голову дядькой, он картинно обхватывал колено бледными пальцами и задавал вопросы, кульминационно закатив глаза. После неведомых ключевых вопросов профессор так расчувствовался, что запрокинул в итоге голову и устремил манерную бородку в потолок. Как со стула не падал — только ему известно, ну и Эмиль Кио, наверное, в курсе…

На итог больному вдруг объявили, что с завтрашнего дня ему будут колоть какой-то сульфазин. На него это не произвело ровным счетом никакого впечатления, хотя врачиха буквально процедила это название сквозь зубы и сделала многозначительную паузу, изучая его немигающими очками. Новость была воспринята с милейшей улыбкой. «Да сделайте такое одолжение — я уколов не боюсь, если надо уколюсь!» Идиот малограмотный!

Сульфазин ставят в полужопицу, предварительно разогрев его для равномерного рассасывания в тканях, что делает концентрацию препарата в месте укола вполне совместимой с жизнью. «Веселка» начинается через шесть-семь часов, когда отрава плавно попадает в кровь. Температура подскакивает до 40 градусов, начинаются дикие ломки, нельзя сидеть, стоять, лежать, очень трудно ходить, прикосновение пальцем к телу вызывает ощущения удара топором. Организм горит огнем изнутри, испепеляя сознание и выматывая до полного изнеможения. Наркоманы всерьез уверяли, что героиновые ломки по сравнению с «сульфой» — детский лепет на лужайке. После всего пережитого почему-то хочется им верить. Пытка продолжается сутки. При «особых» заслугах «сульфу» ставят в четыре точки — лопатки и ягодицы — по 2–3 куба в одно место. Результат достигается поразительный. Если у «буйного» сильное сердце и сразу он не помер, то его крючит по двое-трое суток — причем так, что он просит его пристрелить. Потом достаточно одного упоминания о «сульфе», чтобы прекратить самую сочную истерику.

На все отделение «сульфу» ставили двум «подопытным»: ему и «афганцу», старшему лейтенанту.

После контузии тот с энтузиазмом закурил гашиш, отчего в уже «мягкой» голове что-то чпонькнуло и заработало самостоятельно. Так, «на воле» старлей по ночам отбивался с ножом в руках от наступающих «духов», а днем мог часами снимать растяжки. Учитывая вес в 120 кг и непредсказуемые помутнения рассудка, его определили на «сульфу» еще раньше нашего весельчака. Терпели на пару, причем целью было не захныкать и не просить докторов Менгелей о пощаде.

Курс приема подходил к концу, и на инквизиторские вопросы доктора Шмидт: «Как вам, молодой человек, сульфазин показался? Чувствуете улучшения в мировосприятии?» он вымученно отвечал:

— Все бы ничего, и препарат чудо как хорош, но вот побочные эффекты мучают… Какие? Да, блин, самопроизвольные семяизвержения. Причем странное дело — только увижу белый халат, так и брызгаю! Если вдруг увидите пятна сзади, не

удивляйтесь. Сожалею, но, видимо, не успел отвернуться. Какая досада!..

Его вызвали на последний укол «сульфы». К этому времени он уже с трудом таскал ноги, через пергаментную кожу светились синеватые вены, а шишковатая задница уже была одной болевой точкой. Удивился, что укол будет ставить сама Пиночет — молоденькая медсестра как-то виновато ежилась у двери.

Почувствовав неладное, спросил:

— А что это «сульфу» сегодня не разогревают?

— Уже разогрели, подставляй жопу, — скомандовала свинья-копилка.

Препарат входил подозрительно жестко, разрывая ткани так, что ягодица чуть не слетела с иглы.

— Не рука, а ласточка! Достояние республики. Это надо же так за сорок лет в психиатрии насобачиться, даром что психи безответны, как мухи…

— Давай, давай, пшел…

Реакция наступила внезапно и гораздо раньше, чем через шесть часов. Ногу стало разрывать, ногти посинели, как-то помутнело сознание, и вдруг стало отчетливо понятно, что хочется отрезать эту невыносимо болящую, инородную ногу. Цинизм ситуации заключался еще и в том, что дело было в субботу, все врачи и медсестры были уже дома и трескали пончики с повидлом. А сульфазинщик бился в отупляющей истерике, чувствуя, как начинает задыхаться и сердце отчетливо дает сбой, давление явно падало. Спасло его то, что сосед по палате, склочный пенсионер-полковник, вдруг ужаснулся мертвецкому цвету лица и с перепугу стал долбиться в дверь, крича, что тут больной помирает. Дежурный врач пришел часа через два, сонно поинтересовался, кто орет, почему орет, кто помирает, почему помирает, после этого недовольно призадумался и нехотя дал команду дежурной сестре вколоть этому дауну вот «это» и вот «то».

— Если не поможет, меня не беспокоить, не голоси — не сдохнет. А мне сон не ломай, а то в изолятор запру обоих — там хоть заорись…

Еще через минут сорок ему стало легче, наутро не мог ходить, но уже сносно говорил и опять чувствовал себя жителем планеты Земля. Пришедшая медсестра констатировала, к его неописуемому удивлению, температуру 38,5 градусов… Так какая же тогда была ночью?!

Вся психиатрия, по большому счету, основана на очень простом и очевидно действенном принципе: сделай больному так плохо, чтобы даже тараканы в его голове передохли. «Чем хуже,

тем лучше», — говаривал великий психиатр и, по совместительству, великий кормчий Мао.

Не устаешь удивляться прозорливости его слов хотя бы в части отечественного способа корректировки «мягких, как титька» голов. Перечислю лишь немногие перлы лечебной практики.

Номер один, конечно, — сульфазин, препарат удивительно отрезвляющий и успокаивающий порой до летального эффекта.

Инсулиновый шок — очень забавная процедура, на которую вполне можно продавать билеты для тех, кто любит «погорячее». Инсулин забирает сахар из крови, мозг без сладкого начинает агонизировать, наступает реальный столбняк, человек впадает в кому с ужасающими конвульсиями. На глазах изумленного персонала девочка четырнадцати лет с суицидными настроениями ухитрилась привязанными к кровати руками загнуть раму панцирной сетки — сюрреализм в густой смеси с ркастиком. Когда «лечебный» эффект считается достигнутым, медсестра ставит в одеревеневшую руку укол глюкозы и… больной опять с нами, бойко хлопает пустыми глазками, обливаясь трупным потом. С возвращением! Как тебе там показалось?

Голодание. Ну, это для нежно устроенной субтильной интеллигенции, которая от жесткой дрессуры может и о правах человека заголосить. Да и мрет она, зараза, по-есенински легко — того и гляди, с перепугу тапок съест или зубного порошка нанюхается, вот тебе и ЧП, а оно надо? Так что голодание — чистый спешиал фор яйцеголовых очкариков. Ходят дистрофики, глазками бесноватыми зыркают и жрать хотят так, что рке вроде и в попу баловаться расхотелось. Вот вам яркий пример победы советской медицины над империализмом, педерастией и прочими пережитками классового неравенства. Сделать 25–30 кг за месяц в минус — так это не предел. Под хорошую клизму, да под санитарский присмотр еще не так можно фигуру отутюжить.

Все остальные наркотерапии, таблеточки, пилюли, психоанализы и остальная чепуха — это для очень блатных и богатых.

Да еще и не факт, что поможет, в то время как с «сульфой» результат гарантирован. Если считаете, что не помогло, то фирма готова поставить еще пару кубов за свой счет. Что, сразу стало гораздо свежее? А мы что говорили?!

…Он лежал и абсолютно тупо смотрел в потолок. Когда-то очень давно слышал, что самое замечательное на войне — это сидеть и курить. Молча, не спеша сидеть и, не озираясь, курить. Только сейчас до него доходило, что значит «курить». Собравшись с силами, он повернулся на бок, лицом к стене. На куске картона

написал цветным карандашом, сворованным у соседа-маразматика:

В который раз передо мной
Возник заката тусклый диск.
Я разговаривал, с собой —
С душой в общении буду чист.
Душа моя меня поймет,
И ей солгать я не смогу.
Как жаль, что в жизни только ей
Доверить тайны я спешу.
Иссяк закат. Вползает ночь.
И сутки прочь летят, как тень.
Никто не сможет мне помочь,
И к смерти ближе новый день.

За ним приехала мать. Полтора месяца дурдома оказали благотворное действие на геройского «зовьет зольдата». Не то что драться-рвать-убивать, а ходить без посторонней помощи эта «угроза миру и демократии» уже не могла, вес крепко упал в категорию до 70 кг, что при росте в 180 см выглядело несколько обезжиренно. Постоянно хотелось спать, есть или хотя бы сидеть с закрытыми глазами. Зато он получил заключение комиссии о том, что психически здоров. Это его немало удивило.

Ведь во время экспертизы психолог жалостливо смотрела и сокрушалась:

— Ну, никак вам в армии нельзя! Спонтанный лидер, не адаптированный к среде. Это же портрет уголовника-рецидивиста, как правило. Но, с другой стороны, при вашем уровне развития интеллекта это более чем странно.

Впрочем, желание замять скандал с холодным сульфазином — токсикозом могло косвенно помочь ему остаться в итоге вменяемым.

Жизнь поделилась на два исторических периода: до и после «сульфы».

Кто пробовал, тот поймет.

11. Флаг родины

Патриотизм — это то, что живет в каждом человеке, напоминая о том, кто он и откуда, заставляя принимать порой «героические» решения.

Вот уже несколько лет жизни в Германии. Служба, боевая подготовка, командировки и, как ни странно, бизнес. В военном училище была получена вторая профессия военного референта-перевод- чика. После пары лет агрессивного общения, погружения в среду он рке мог рассказывать анекдоты, делать дамам комплименты и беседовать с фрицами по телефону. Это ценное качество не укрылось от завсегда жуликоватого командования. Генералитету всех мастей покупались машины, доставались по дешевке гарнитуры, проворачивались умопомрачительные операции с ГСМ и дармовым НЗ расформированной армии ГДР. Жены офицеров вместо грязного и дурно пахнущего госпиталя рожали в немецких клиниках, а весь гарнизон за сущие копейки лечил зубы у местного буржуйского дантиста. В промежутках между частыми командировками он ухитрялся, не имея лицензии, вести курсы самообороны и каратэ в роскошном немецком спорткомплексе. Жизнь сверкала и бурлила, казалось, этот фонтан умопомрачительной деятельности не иссякнет никогда. Иссяк…

В итоге самостийный «переводчик с немецкого» окажется на Кавказе — уже не в командировке, а на постоянной основе, будучи персонально отправленным особым отделом группы войск в Германии. Особисты проводили чистку рядов. Участились случаи перехода военных на «ту» сторону, поэтому всех не в меру подвижных отправляли в самое пекло. Глядишь: убьют — и концы в воду. Жизнь войскового разведчика скоротечна и полна сюрпризов.

Через полгода — статья 586: «не годен к строевой службе», вновь приобретенные проблемы с многострадальной головой и переход на другое место службы. Все это позволило, не особенно упражняясь в строевых смотрах, без особого труда получить новый служебный паспорт и выехать в Германию — освежить дела. Благо доделывать было что.

По приезде он осуществил свою давнюю мечту: купил дорогие туфли, шелковую рубаху и приличный бордовый костюм. Его ждал загодя купленный «BMW».

У ворот отдельного разведывательного батальона остановилась, хищно поблескивая никелем и лаком, пафосная машина с немецкими транзитными номерами. За рулем сидел похожий на немца молодой человек со слегка изуродованным лицом. Немного «помяв батоны», дежурный по КПП вышел и попытался на очень оригинальном немецком попросить машину отъехать, буквально — «на хрен отсюда».

Стекло манерно опустилось, и после паузы по Станиславскому «немец» промолвил:

— Что, военный, только старшие пацаны на войну умотали, так сразу нюх притупился?

Прапор проглотил язык и защемил мошонку. Он стоял, хлопая пропитыми до бесцветности глазами, абсолютно не понимая, как относиться к этому инопланетянину с чертами, отдаленно напоминающими человека, который когда-то договорился в немецкой клинике о брекет-системе для его сына.

— Пшел в роту! Позови старшего лейтенанта Иванова, скажи: кормилец с того света приехал повидаться.

Восторг ребят по поводу авто и внешнего вида был почти детским — ему остро, но не зло завидовали. «А мы знали, что вернешься! Таких, как ты, хрен лопатой зарубишь! А машина — класс, да ты и на военного уже не похож, вот только с рожей беда, конечно, но и было-то не очень. Зато живой!» Потом пили исключительно за его здоровье — причем водку, привезенную с Родины. Немецкий «Корн» — редкая гадость, пить ее за хорошего человека почти оскорбительно. Он тогда не пил вовсе, даже пиво. Во- первых, поддерживал спортивную форму, во-вторых, после последних военных событий глухо шумела голова. Она будет шуметь еще пару лет.

Погостив в части и перепугав до энуреза командира и особиста, бодро подглядывающих за ним из- за штабной шторы, он отправился к немецким коллегам. в город-герой Ганновер. Одного из старых немецких друзей звали Хельмут, он торговал оружием, антиквариатом и был страстным охотником, однажды подстрелившим в Краснодарском крае второго по величине марала в мире (первого убили где-то в Канаде). Рога гиганта висели в гостиной Хельмута, под ними красовался сертификат, подтверждающий рейтинг и ценность экземпляра. Немец слушал на патефоне старые немецкие марши, собирал документы с подписью Гитлера и имел коллекцию боевых наград Третьего рейха — фриц, одним словом. Коллекция личного оружия описанию не поддавалась: помимо винтовок и дробовиков, в ней было собрано почти все самое выдающееся из мира пистолетов и револьверов, более того, имелось отдельное собрание дамских

пистолетов и оружия, закамуфлированного в трости, зонтики, авторучки. Короче, любовно и со вкусом укомплектованная оружейная комната пехотной роты женского батальона анархистов.

У этого бюргера еще была жива мама — одуванчик восьмидесяти двух лет. Милейшая дама с чистейшим немецким, потрясающими керамическими зубами и аристократичными манерами. Белокурый в завитках парик венчал экстерьер. По приезде русского друга Хельмут тут же объявил ему о приглашении на «гебурцтаг» матери — день рождения, по-нашему. Не помнится, что было приобретено в подарок, но помнится, что процесс выбора был мучителен, ибо что юный русский знакомец может подарить немке-дворянке на восемьдесят третий день рождения?!

Стол был, по немецким меркам, более чем изысканным. На лужайке перед домом, со свечами, вставленными прямо в стриженый газон. Немецкая кухня по определению скучна и однообразна, зато по-тупому питательна и рациональна. Если немцу хочется порезвиться с вилкой и ложкой, он мчится в греческий, китайский или русский рестораны. Здесь же на столе были пара миллионов сортов колбас, миллион невообразимых салатов из заморской зелени и фрукты. Венцом кулинарных изысков стал запеченный поросенок с квашеной капустой и яблоками.

Народец пил пиво и рейнское вино, оживленно разглядывая русского гостя. Многие из друзей Хельмута видели человека с «той» стороны впервые, чего нельзя было сказать о друзьях новорожденной. Бравые старики, как один, были ветеранами Восточного фронта, вернувшимися из-под Сталинграда, Москвы, Белоруссии, Украины, были даже знатоки послевоенных сибирских лагерей.

Начались осторожные расспросы: «А что вы зимой делаете, когда все улицы сугробами заметены и из дома до весны не выйти?» Он как можно вежливее пояснял им реальную картину положения на его далекой Родине, несколько раздражаясь немецкой дотошности.

Неожиданно Хельмут, уже порядком нарезавшийся пивком, поправил тирольскую шляпку, подтянул необъятные кожаные шорты и «выдал на гора» новость, что, дескать, его друг Миша, здоровенный, как медведь, егерь из Краснодара, пьет спирт стаканами. Русский гость сначала пропустил этот пассаж мимо ушей, потому как жевал поросячью ногу, заедая нежное мясо квашеной капустой. Вдруг буквально кожей почувствовал повисшую над столом паузу. Осторожно приподняв голову,

увидел десять пар восторженно уставившихся на него глаз.

— Не, не-е… Я лее это… Не пью вообще, — забубнила голова, но рот с куском мяса так и оцепенел, не выдавив ни слова.

Интриган Хельмут метнулся в подвал, и выволок буквально «четверть» (2,5 литра) некупажированного 92-градусного ирландского спирта, являющегося основой для создания виски. Судя по объему и градусу жидкости, немец с ее помощью травил мелких грызунов и разжигал костры.

В мозгу резко и болезненно всплыла картинка из патриотического детства: фильм «Судьба человека», где падлы-фашисты в концлагере наливали главному герою водку стаканами, а тот пил под какой- то патриотический тост и не закусывал всем чертям назло.

За спиной отчетливо заколыхалось знамя Родины, в груди защемило, а офицерская честь вполне внятно пробубнила: «Стойко преодолевать трудности и лишения воинской службы». Он безвыходно осознал, что флаг посрамить никак нельзя!

Хельмут, гад, налил больше половины стакана. Немчура заворожено затихла. Более чем осторожно, словно гранату без чеки, он взял стакан, плотно обхватив его пальцами, и встал. Буквально сквозь зубы пожелал всем супостатам буквально «Guten Appetit» и неистребимого здоровья. Хотел еще исполнить куплет из «Вихрей враждебных», но как- то осекся и, потупившись, сосредоточился на пойле. Оно резко пахло спиртом, не внушая ровным счетом никакого доверия.

Ни вкуса, ни запаха он не почувствовал. Просто ожог. Просто слизистой. Просто от языка. Просто до задницы. Собрав волю в кулак, сел. Открыть рот было невозможно, закусывать не получалось, запивать не выходило. Он просто молчал и яростно прожигал глазами малахольных иностранцев.

«Вот же! Абсолют шайзе! Эти русские даже не закусывают! Нет, ну мы и раньше слыхали, но своими глазами!..» Басурмане охренели от шоу, вечер удался — ну, Хельмут, вот умеет порадовать друзей! Хозяин дома, видя немой восторг гостей, раздухарился и налил себе граммов двадцать пять этого «ракетного топлива». Через пять-десять минут «альпийский стрелок» уже лежал в коме в шезлонге у крыльца, перед падением в глубокий анабиоз предусмотрительно повесив на пояс мексиканскую кобуру с двумя «Smith & Wesson» 45-го калибра. Вдруг проснешься, а тут этот отморозок Третью мировую организовал спьяну! За этими русскими нужен глаз да глаз…

Флаг Родины гордо и упруго реял под свежими порывами ветра. Страна спала, не зная, что ее герои стоят на боевом посту, охраняя само понятие — «Родина»!

12. Клоун

Предают только свои — чужим
до вас просто пет дела.

Именно Клоун и именно с большой буквы, а точнее, Коля Клоун — так зовут легендарного героя-любовника Северной Столицы.

Кривоногий толстоватый мордвин с жалобно- блудливыми глазками и безумной манерой езды на дорогих авто. Его первоначальное очарование базировалось на разгульном характере, наличии дензнаков разных стран и дифференцированном подходе как к спиртному, так и к целебным порошкам. Девицы безотказно клевали на приличный костюм, не бандитскую внешность и авто в 140-м кузове (это были еще 1990-е). «Олигарх разбушлатился», — решали на его счет девицы.

После разведки Коля приглашал очередную нимфу отобедать в «Гранд Отель Европа» или «Шератон Невский Палас», потому как «кто тетку обедает, тот ее и танцует». Поев дорогостоящих предметов, попив кислухи «Дом Периньон» (приведен подлинный мордовский прононс, хотя, конечно же, это был оригинальный французский брют по 200 баксов за бутылку) девица буквально подпадала под милое очарование буржуазии. Затем Коля рассказывал пару реальных историй своей несчастной любви — про то, как сожительница Наташка по наущению подруги-сучки Яны ушла от него с ребенком, — пускал почти настоящую соплю (пардон — слезу), и вечер у девицы был уже занят на все сто процентов.

Причем, что особенно ценно, Коля был, в сущности, не просто мордвин, а еще и деревенский мордвин, следовательно, не особенно эстетствовал, гуманизм практиковался у него в лучших, широчайших проявлениях. Трахал он все, что не было приколочено: заезжих проституток, петэушниц, спешащих по делам, подруг пьяных друзей, знакомых и малознакомых барышень любой наружности, социальной группы и политических убеждений — одним словом, был санитаром леса. Кроме того, мордовский джигит просто начинал чесаться от возбуждения, наблюдая грудь третьего номера и больше. Позже выяснилось, что Клоун — «конекэбунок» — отчаянно любит хныкать на груди у потенциальной жертвы, рассказывая о несправедливости судьбы к его такой кристальной и милой персоне. Ему остро не хватало дежурной мамы с ее уютной сиськой.

Как этот кобель путал девиц на смесь денег и соплей,

достаточно ясно, но как он их трахал — это особая глава в его жизни, почти биг сюрпрайз. Коля был похотлив и норовист. Добравшись «до сладкого», он не «занимался любовью» — нет, он буквально пилил дамочку в мелкую стружку, не меняя темпа и позы, невзирая на вопли предмета страсти о пощаде и досрочной сдаче. «Белый флаг» как аргумент не принимался. Прибор у девиц тотально выходил из строя, а учитывая аллергию Клоуна на презервативы, вполне можно было обзавестись более серьезными проблемами, типа пьяного зачатия или гипотетического триппера. Хотя, что поразительно, Коля ухитрялся никогда ничем не болеть — еще одна загадка природы и тонкой мордовской души. Справедливости ради следует заметить: ничто не могло омрачить возбужденного рассказа «потерпевшей» своим подругам о бешеном Клоуне, который «вот с таким делал вот такое», да еще на протяжении времени, сравнимого с заводской сменой. К Коле приводили подруг, уточняли, показывая на него пальцем: «Люди брали — хвалили». Это приводило его в неописуемый восторг и раскрашивало существование в восторженные цвета.

В то время как он бодро нюхал кокаин и транжирил гормоны, дела дали трещину. В итоге балагур попал почти на два с половиной миллиона долларов, что для 1994 года было не так уж много. Этот сердцеед ухитрился отдать большую часть денег, оставшись должным сущую безделицу — двести тысяч долларов.

В этот момент их и свела судьба.

Клоунский оптимизм не мог не нравиться. Коля, потеряв кучу денег и сидя на попе, активно искал заработка, бегал кроссы и, конечно, трахал девок. Последние давали уже без «Европы» и «Паласа», кормили и оставляли у себя ночевать, передавая затем, как переходящий вымпел, еще неосвоенным подругам.

В отличие от Клоуна, у него были деньги, которые он зарабатывал консультациями в области безопасности, порой по нескольку сотен тысяч долларов в месяц, ухитряясь пользоваться достаточно уважительным вниманием по обе стороны правоохранительного забора. Он в ту пору был единственным, кто давал Коле деньги, и единственным, кому Коля их возвращал. Более того, новый знакомый каким- то фантастическим образом попал в клоунскую «Санта-Барбару» — с его женами, детьми, любовницами, друзьями и долгами. Посудите сами.

Коля жил с Наташкой, у них родился сын.

Колин друг Леша, он же земляк из Горького, был его постоянным дольщиком. Леша познакомил его с Наталией Ивановной Великой — своей старшей сестрой, дамой властной и влиятельной (антиквариат, ювелирка, политики).

У нее было две дочери — Яна и Нона. Старшая, Яна, стала

подругой Наташи, по этой причине Наташа торчала целыми днями — по сути, жила — у Великой, в итоге на стенах роскошной квартиры Наталии Ивановны появились фотопортреты сына Коли Клоуна (?!).

Яна, будучи девицей стервозной, разведенной и богемной, знала и муссировала все Колькины похождения, втайне завидуя чужим оргазмам. В итоге она приложила максимум усилий, чтобы надуть в пустую Наташину голову, что она (эта дура) — богиня неземной красоты, а таких уродов, как Коля, — как дерьма за баней.

Живя в загородном доме, она познакомила Наташку с каким-то бандитом казанской принадлежности. У них завязался конспиративный роман, и бандос, наслушавшись историй про мордовского буржуя, уже мечтал как-нибудь «раздеть» Клоуна, что в общем-то и предпринял в итоге.

Нона росла-росла и выросла. Сгоняла между делом пожить в Америку и вдруг на чужбине поняла, что Коля Клоун — ее сексуальный объект. По приезде в Санкт-Петербург она секунд за семь возбудила в Кольке пламенную страсть, которую он боязливо воплотил в жизнь.

Яна шипела на Нону, Наташа тихо шизела, не зная, как ей быть. Коля регулярно давал денег и отправлял отдыхать от безделья за границу — тут следовало не перегнуть палку, имеющую меркантильные корни.

Наталия Ивановна, которую Коля боялся больше злобных кредиторов, рычала на все стадо и удивлялась по незнанию, что эти дуры нашли в этом кривоногом огрызке.

Леша, будучи полностью зависим от Колькиных гешефтов, держал нейтралитет.

Тут, как член на наковальню, появился новый Колин друг, который доверительно был назначен Колиным, а следовательно, и Лешиным ангелом-хранителем, даже не успев понять, как так произошло, что сама Наташа Великая вдруг взглянула ему в глаза и задушевно попросила не бросать этих недоделанных — если что…

Когда за помощь не берут денег, многие относят это обстоятельство на простоватость и пытаются использовать эту сторону натуры спасителя в своих не очень чистоплотных целях.

…Машина мчалась из аэропорта, вдруг запиликал мобильный телефон.

— Привет. Это Коля Клоун. Что вечером делаешь? Может, в «Палас»? Ну да ладно, обедаешь где? Поехали в «Старую деревню» — блины с икрой жрать?

— Поехали, вот только я занят, смогу подъехать чуть позже,

скажем, через час-два.

— Не-е-е, давай сейчас, дело одно есть — тебе точно оно нркно.

— Хорошо, я уже на Московском проспекте — буду через сорок минут.

Подъезжая к богемному кафе «Старая Деревня», где, бывало, обедал сам принц Чарльз, он отметил для себя непривычно много машин и необычную для этого места суету вокруг них. Паркуясь, увидел вдруг, что в багажник «боевой машины братвы» (BMW) кто-то пытается упаковать бешено сопротивляющегося Клоуна. Вокруг стояло еще пять «бомб» с тревожными пассажирами.

— Оп-па, ребятки, а ну назад! Вы чьи будете, что ведете себя так беспредельно?!

— А ты-то кто такой, что в наши дела прешься?

— Я член в пальто, а имя для меня сейчас и не нужно, поэтому ломайте меня быстрее, а потом можете и Кольку грузить хоть в мусоровозку. Но позволю указать на маленькую деталь. Пока меня не сломаете, пока я жив, Кольку я вам не отдам. Ну вот и все — чего ждете?..

В те времена он любил вызывающе прилично одеваться, весь в золотой бижутерии и в галстуках- костюмах от приличного имени. ОПГ (организованная преступная группа), наряженная в традиционные куртки-кроссовки, с недоверием смотрела на более чем странного коммерса, который, не моргнув глазом, рычал на них, быковато расставив ноги и подозрительно положив руки в карманы пальто.

— Не, ну погоди, мы это… Мы — казанские. А ты знаешь, что он нашего старшего педерастом назвал и за это должен отдать нам десятку баксов? Или скажешь, что это не по понятиям и он не должен ответить?

— Клоун — коммерс?

— Конечно, коммерс. В том-то и дело, что какая- то овца блудливая путевого пацана «голубым» назвала! У нас и очевидцы есть — нормальные пацаны, он при них назвал!

— У каждого барыги должна быть крыша, по понятиям, так? Так что, ребята, вы, может, что про Колькину крышу пермскую знаете? Почему вы ее в курс не ввели, а сами решили газануть?

— Не, ну это, как ее, мы потом, конечно…

— Ну и главное. Если тебя или кого еще назвали педерастом, иди и с глазу на глаз докажи, что ты не «дырявый». Причем тут деньги? Это что же получается — без десятки баксов ты вроде как педик, а с десяткой — вроде как «целый»? Нет, дружок, это получается, что если ты раз на раз не готов свою задницу отстоять, а друзей приволок, значит, ты хочешь стать педерастом

с десяткой баксов в кармане. И все!

Ребята, забуксовав в столь сложных категориях, потеряли темп и сникли. Бить умника с белым от ярости лицом никому не хотелось. Мало ли это кто и что у него в карманах? Первоначально плёвая задача — стырить Клоуна — стала перерастать в локальный конфликт со многими неизвестными, что явно не входило в планы пацанов.

Обстановка слегка остыла. Поговорив со старшим, ему пришлось все же представиться, ну а при таком раскладе и на мировую для бандосов не стыдно.

Коля остался жив, невредим и перепуган до зеленого цвета в лице.

Они сидели в кафе за столиком на манерно скрипучих и искусственно состаренных стульях и молчали, а потом он сказал:

— Коля, а ведь ты конченый ублюдок! Почему не сказал, что у тебя встреча назначена?

— Боялся, ты не приедешь…

— И правильно боялся. Теперь, когда ты позовешь меня обедать, я обзвоню всех знакомых бандитов в городе и попрошу, чтобы тебя в случае чего трахнули в извращенных формах, — обманывал и запугивал он Колю.

Ровно через полгода этот «911» уже спасал Колю на очередной «стрелке», проклиная себя за излишнюю уступчивость по отношению к этим юродивым.

Сильные люди — добрые люди, но неразумных детей следует всенепременно пороть.

А как же иначе?!

13. ЧЕСТЬ СТАРОГО САМУРАЯ

Даже не знаю, что именно разглядел во мне этот пожилой и пафосный японец, но через пару часов нашего общения он вдруг спросил:

— Андрей, сколько тебе лет?

— Сорок три.

— Мне шестьдесят четыре. Можно я буду называть тебя младшим братом? А ты можешь называть меня старшим.

Переводчик смотрел на меня круглыми глазами, не очень веря в реальность того, что услышал. Только что один из Величайших Мастеров современности, обладатель девятого дана киокушинкай Канчо Хацуо Рояма, не боясь испачкаться, прилюдно попросил называть его братом известного городского сумасшедшего, о котором так и не могут составить определенного впечатления его полувраги и полупочитатели.

Если подлость не наказывается, то зачем были прочитаны эти героические книги, с какой целью мы прошли этот кровавый Путь и что дали нам десятилетия тренировок? Зачем мне сжатые добела кулаки, если подлец может смеяться мне в лицо хотя бы через монитор, упиваясь собственной безнаказанностью?! Я не искал этой драки, но рамки дозволенного были перейдены. Я нашел хама, и хам-молокосос начал хныкать, предлагал перенести драку на полгода, а потом спросил, по каким правилам мы будем драться (?!), а потом предложил выпить чаю.

В итоге мы все же начали драться на ступенях Смоленского пассажа в окружении охраны. Я разрубил себе кулак об его зубы, а заодно крепко разорвал ему нижнюю губу коленом. Он сломал себе правую кисть, закрывая мордочку от моей бьющей головы и локтей. Но драка есть драка, хам повис на моей куртке и упал под ноги. Шел первый московский снег. Я, непутевый, поскользнулся, чему виной манерные туфли, и в порыве сражения прилепился лбом в бетонный поребрик, огораживающий лестницу. По показаниям охраны, звук удара был такой, что они забеспокоились за фундамент здания. Наутро синяк стек на глаз… После обеда я улетал в Японию.

Брат Рояма принимал меня в Токио уже в третий раз за год. Каждый раз я приезжал не просто в гости — я приезжал биться с его лучшими бойцами, пытаясь передать то интересное, что могло пригодиться дружественной федерации моего старшего товарища и Брата. Видимо, я оказался действительно полезным, потому что в этот приезд мне было сказано, что Кан- чо Рояма с Канчо Блюмингом и шиханом Штурми- ным решили выдать мне

сертификат с космически высоким восьмым даном — с обоснованием: «За выдающийся вклад в развитие каратэ».

Мы сидели в очень живописном рыбном ресторане посреди Токио, декорированном как рыбацкая деревня. Отмечание моего дана шло полным ходом, и вдруг Канчо шепчет на ухо Саше переводчику что- то интригующе важное.

— Андрей, Канчо хочет кое-что сказать тебе наедине.

— Конеффно, любой каприз!

Мы вышли на улицу. Рояма взял меня за руку и пристально всмотрелся мне в лицо. Надо сказать, что синяки сходят с меня очень быстро, но тут от удара лопнула кость свода правой брови, и ровный след на лбу напоминал шрам от контузии.

— Андрей, брат, надеюсь, ты не был пьян?

— Канчо, даже не беспокойтесь! Это был вопрос чести, а в этом случае ни синяки, ни даже итог боя не важны. Подлец должен быть наказан, и он был наказан!

— Эх, Андрей, Андрей… Ты стал одним из нас, и я не знаю Мастера, восьмой дан которого подтвердили бы сразу столько Великих Мастеров, при этом не слишком дружащих друг с другом. Мы обязаны думать о том, что на нас смотрят и равняются наши ученики и соратники, мы не имеем права на очень многие вещи, мы перестали быть просто людьми и стали главами уважаемых организаций. Наши федерации — это высшая ответственность на нашем Пути!..

И пошло все это в зад, если вопрос касается именно нашей чести! Зачем нашей семье запах бесчестия, как пережить пятно трусости или малодушия на нашем флаге?! Зачем нашему дому гнилой фундамент?! Если видишь, что Создатель не оставил тебе иного выхода — иди и сражайся, невзирая на результат! Но тысячу раз за секунду перед тем, как кинуться в этот, возможно, последний бой, подумай: то ли это, что стоит твой жизни и имени! На нас смотрят наши ученики — не опозорь их веры в нас! Не опозорь меня — твоего брата!

— Брат, я не опозорю тебя!

Мы обнялись, в носу предательски защипало. Я снял ношеную футболку с нашим карпом и вручил ее Канчо.

— Не обессудь, брат, — это от чистого сердца!

Спаси, Господи, брата моего некрещеного Хацуо Рояму и всех нас! Чудны дела Твои, Господи! Иногда мне кажется, что я просто сплю, но среди отвратительных кошмаров моей жизни вдруг всплывают картины, достойные того, чтобы помнить о них до гробовой доски.

Честь, как и девственность, можно потерять лишь один раз — восстановить в полной мере невозможно. Не верьте пластическим

хирургам.

14. Воздух, кровь и свет

Только подлецы и трусы учатся па чужих ошибках — у них просто не хватает мужества совершать собственные.

Вы дышали когда-нибудь?

«Что за чушь?!» — спросите вы.

Нет, не просто дышали, а дышали ли вы с упоением, вкусно, сочно? Дышали? Ах, в Альпах, да и на Кавказе в общем тоже чудесно. М-да…

Чушь. Полная абсолютная херня. Кто не пил водки, тот не знает вкуса холодной воды. Вкус — настоящий, удивительный вкус — воздуха знает лишь астматик, делающий первый глоток живительного газа, после того как все же нашел спасительный аэрозоль.

Действие промедола мягко и безвозвратно проходило. Сначала он почувствовал, что у него есть спина, затем, что в нее вбит лом. Через мгновение некто злобный, сидящий внутри, сжал легкие и принялся резво рубить топором уже раздавленную грудную клетку. Еще через секунду процесс дыхания из обыденной, ежесекундной и несущественной задачи стал непосильной и мучительной борьбой за крохи кислорода, столь болезненно необходимые для истерически капризных клеток его тела. Клетки, в силу своего малого размера и очевидной тупости, не хотели вникать в то, что три ребра острыми краями переломов рвали окружающую их плоть, не позволяя раздвинуть грудь для вдоха. Не понимали, что спина выгнулась горбом травматического сколиоза, а легкие, приняв на себя удар через пролом в грудине, частично полопались и набухли кровью, уже не имея возможности впустить в себя этот упоительный, желанный, почти ощутимый в своей тяжести воздух.

Так умирающий на берегу большой и неуклюжий карп хлопает мягкими темными губами, не веря, что уже не вернуться назад — в прохладный и темный мир водных глубин. Еще немного и даже обожженный засухой рот перестанет хватать то, без чего нельзя прожить и нескольких минут.

Лишь находясь на краю пропасти, человек боязливо оглядывается и с этой неуютной точки своей жизни до рези в глазах отчетливо видит, что действительно ценно, а что всего лишь фантики от уже съеденных конфет. Звучит цинично и грубо, но чем чаще виден край, тем осмысленнее становится

последующая жизнь. Memento mori — так, кажется, по-латыни. Все упирается в способ напоминания.

Как остро не хватает мозгу крови в момент, когда на шее сжимается учебно-боевая петля. Отражение мира слабеет, и остатки сознания вяло пытаются сохранить подобие мыслительного процесса. Картинка плывет, предметы приобретают злобные и глупые очертания, единственное, что удерживает на этой части бытия, — это боль. Дикая боль от нейлонового шнура, разрывающего шею. Кажется, что гортань, все сильнее сжимаемая удавкой, предательски, пискляво хрустнет и ввалится внутрь, не оставив шансов на бесцельное разглядывание календаря с новой датой и наивными фотографиями времен года. Ярость и полное отсутствие права выбора — вот что спасает. Напугайся, удивись боли, замри на секунду, и вот уже голова опустилась в ватную тишину. Всё — каюк. Вот уж хрен — боль! Боль — только она и кровь — по-настоящему, все остальное — выдумки. Если бы не эти две подруги, то скольких вещей нельзя было бы понять. Боль заставляет жить, а кровь и есть жизнь.

Боль вынуждает в безвыходной, казалось бы, ситуации трепетать и бороться за существование. Как гусеница, проткнутая булавкой в момент пионерского ничегонеделания… С мифическим трепетом он преклонялся перед той болью, которая преследует всю жизнь, объясняя, что имеет значение, а что просто дерьмо, попавшее в вентилятор либо добросовестно выработанное темной субстанцией с пафосным, но ничего не означающим именем «интеллект». Что есть наши мысли, по сравнению с нашей кровью?..

…Нет, сначала он не резал глаз. Это был молочно-белый ровный свет, чуть потухающий в одной стороне и тепло мерцающий — в другой.

Повязку сняли, голова была вполне в своих геометрических размерах, что не могло не радовать. Лечение серого вещества и системы его кровоснабжения прошло вполне успешно. Но вот зрение пока не возвращалось.

Через пару дней будут различимы контуры людей — привидений, скользящих по вселенскому туману и никак не желающих принять четкие очертания. Затем эти очертания придут, но начнут игриво ломать изображение на угловатые сектора. «Отсутствие периферического зрения, — сумничает врачиха и добавит: — Да ладно! Молодой, здоровенный — пройдет».

Прошло — не обманула. И всего-то через пару (!) месяцев. А до этого момента переход через улицу оставался невыносимой и унизительно боязливой задачей.

Мерзкое чувство беспомощности — вот что такое потерянное зрение. Остались руки, ноги и все остальное, но все это уже не ваше. Потому что нельзя назвать своим то, что невозможно использовать. Мир становится чужим и темным. Уткнувшись в стену, вдруг понимаешь, что потерялся. Потерялся очень крупный и беспомощный ребенок, бывший когда-то кем-то с весом 100 кг. Непроницаемая темнота превращает человека в муравья, замершего на тротуаре. Сознание сжимается от судорожной животной боязни быть раздавленным скучающим пешеходом по имени Жизнь.

Как много значительных, весомых и таких важных проблем составляют наше существование, как любовно мы обсасываем каждую мелочь нашей жизнедеятельности, как лелеем наши обиды и без тени сомнения утверждаем сами себе, что судьба-скотина не вполне к нам справедлива и более чем некорректна.

Был первый по-настоящему темный период жизни — с жестким, реальным предательством близких и невообразимой грязью. Время, когда, бесцельно передвигаясь по улицам, он с каждым шагом сгибался под тяжестью навалившейся темноты. «Почему именно со мной? Все так глупо и бездарно… Похоже, сопьюсь и сдохну, голодный, под забором». Питер очень мрачный и взрослый город. Город, полный туманов, миазмов и депрессивных флюидов, сочащихся из неопрятных каналов.

Навстречу шел мужчина с суровым непроницаемым лицом, перед собой он катил коляску, в которой сидел молодой парень, инвалид с церебральным параличом. Подросток смотрел на мир большими влажными глазами.

Как от удара током, ноги, потеряв подвижность, вросли в землю, сердце сжалось в горошину. Глядя вслед удаляющейся паре, он отчетливо, невыносимо остро понял, что это и есть настоящее горе. Горе, по сравнению с которым собственная гибель лишь «успокоительное средство», способ бегства от ужаса. Как можно утопать в волнах собственного эгоизма, гадить на все и всех, обвинять, хныкать, благодарно жалеть себя, даже не имея представления о том, что такое настоящее горе? Имея подаренную Богом возможность вздохнуть полной грудью этот удивительный воздух, не заботясь о живой крови, текущей по венам, и видя то, что многие гораздо более достойные люди уже не увидят никогда?!

Человеческая жизнь более чем омерзительна, если она всего лишь любовно оберегаемая частная собственность, источник удовольствий.

И 1/2 Письма не про любовь

Мы перестаем любить себя,
когда перестают любить нас.

Жермена де Сталь

Милая девочка, как ты похожа
На сотни таких же, увы.
То же смазливое личико,
Те же слова, что сказала не ты.
Яркие ногти и яркие губы,
В глазах — холодок пустоты.
Не так уж давно еще в школу ходила,
Носила цветные банты.
И вот рке мальчики.
Крепкое тело и наглость кастрата души.
Слова его часто расходятся с делом,
Но только не в деле «любви».
Пара заученных фраз, как в пароле,
Дерзость движения рук.
Как хорошо, что без комплексов оба,
Без лишних страданий и мук.
Бешеный драйв, как картинка из фильма.
Силы все отдал и вдруг: —
Девочка, слышишь, ты мне надоела,
Иди, погуляй где-нибудь…
Ты не обиделась.
Если бы в первый,
А так уж привыкла давно.
Сколько же лет ты у жизни отнимешь,
Играя в такое кино?..

Бог есть Любовь. И именно о высшем понимании этого слова сказано настолько много, что добавление будет либо натянутым, либо фальшивым. Тут или как Пушкин, или не рисковать. Я же говорю о влюбленности — о том романтическом и тревожно сжимающемся в животе, что будоражит нашу майскую кровь и сводит с ума томными летними ночами.

Все и тут в общем ясно — не ясно другое. Чего же в этом чувстве больше? Душевных сентенций высшего порядка или все же честнее будет поговорить о каскадных мультиоргазмах? А в

том и сочный прикол, что влюбленность включает в себя столь полярные составляющие, что диву даешься тому, как баритонный разговор про творчество Зюскинда может повлиять на влажность белья у экзальтированной девицы полусвета. Ну, или как «вовремя» прочитанный с надрывом стих может напрочь отбить желание юной ивановской прядильщицы, с гормональным трепетом ожидавшей традиционного показа кулака.

Любовь к женщине всегда упирается в женщину как в объект страсти, и ничего тут не поделать. Впрочем, Создатель с неподдельным юмором отсадил от генетически здоровых некоторую часть для самоликвидации — это я о тускло-розовых и грязно- голубых. Причем, если взглянуть на способы и зоны их утех, то становится понятно, что отсадил вовсе и не зря. Так вот, не будучи, в принципе, гомофобом, все же замечу, что я никогда не трогаю скунсов и не проявляю по отношению к ним агрессии, но вовсе не потому, что героически терплю их запах, а потому, что они пасутся где-то вдалеке. Я искреннее рассчитываю на то, что, с позволения сказать, господа и как бы дамы, источающие анальный эротизм и блистающие языками, похожими на клитор, будут гуртоваться и шкодить где-то крайне далеко от меня, а случись им пробегать мимо, они ловко прикинутся натуралами. В противном случае их поведение будет сочтено провокационным, а намерения — мазохистскими. Я просто не смогу не пойти навстречу этим эстетам, лишив их грубого мужского внимания. (Поглядел в зеркало, поправил татуировки и потрогал бицепс.)

О чем это я… Ах да, о дамах.

Так вот, эти милые создания, столь занимающие воображение мужчин, на самом деле — воплощенный менингит. Чтобы понять этот удручающий факт, достаточно прожить с нежным ангелом не более трех лет. Чтобы стать практикующим женоненавистником, нужно прожить со следующим ангелком пять фронтовых годов. А для того чтобы из гуманитарных соображений не подходить к дамам ближе, чем на дальность прямого выстрела, нужно в третий раз убедить себя дотянуть до пятнадцати — с понятным использованием антидепрессантов, спиртного, а в особо неизлечимых случаях — ветеринарных уколов в живот.

Что это меняет? НИЧЕГО! Знаем, совершенно уверены, видим и даже готовы рассказать в деталях, что будет дальше. И тупо, с разбегу, на те же самые… Еще свежие от предыдущих попыток.

«Отчего так?» — спросите вы. Ну, тестостерон — это не совсем то. Боязнь спермотоксикоза — это уж очень как-то по-детски. Я уверен: это флер некоей игры, которую вполне можно назвать прятками, — с упоительным призом за находчивость, нюх и экстерьер.

Посмотрите на очередную недотрогу: суха, строга, неприступна, случайно коснется взглядом очередного «барсучка» — и скривит губку.

Вопрос: а зачем она ее кривит, если ей реально насрать и у нее, скажем, угасла половая сфера в связи с напряженной внешнеполитической?

Да она, сердешная, для него ее кривит и отворачивается капризно. Легкая тетка стоит легких денег, а кавалеры любят дам тем сильнее, чем труднее они им достаются. Любят маниакально, даже если это нелегкая на подъем шпалоукладчица с высокой степенью социальной ответственности, на вторую неделю понявшая, что дядя из негрязного авто реально запал на ее необъятный зад, неожиданно сравнив его с размером бокового стекла.

Женщины не различаются по этническим, социальным или (прости, Господи) политическим признакам. Они делятся на тех, которые хотят нас, и тех, которые считают нас не в своем вкусе, потому что, скажем, не брюнет. Причем расхожее заблркдение, будто дамы гораздо сдержаннее и холоднее пылких мачо средней полосы, не верно в корне хотя бы потому, что мы в итоге трахаем только тех теток, которые хотя бы пару минут уже оттрахалл нас в своей напомаженной головке. Это как в системах ПВО: когда самолеты имеют датчик «свой — чужой». Вы бросаете взгляд и вдруг обнаруживаете, как «снежная королева» с безучастным лицом начала поправлять и без того идеальную прическу. Потекла, родная, ой, негой потекла!..

И совершенно не нужно ее слушать, вникать в ее сбивчивые завитки и версии. Она просто ждет того веского довода, почему ей уже можно и это не будет считаться вами за блядство с ее стороны.

У меня друг есть — Геша Барсук. Так он Барсучихе своей по сию пору простить не может, что она ему через пятнадцать минут дала, не дождавшись предложения руки и бумажника. На что та веско так отвечает, что она ему, идиоту, два дня глазки строила и так умоталась спину держать, что было рке просто не до прелюдий и любовных записок на куске газеты. Как я понимаю их обоих!

С одной стороны, резвый кузнечик просто обязан быть уверен в своей неотразимости и безотказности домашних заготовок. С другой стороны, тетке важно не отпугнуть его чрезмерной целомудренностью и не показаться слишком уж легкой добычей. Для крепкой и долговременной эрекции необходим именно гон с гиканьем и улюлюкньем, а не просто капитуляция с задранными «хенде хох» ногами.

Мы ищем внимания, ищем подтверждения нашей востребованности, подтверждения крепости ягод в наших ягодицах и несгибаемости писюки под порывами ветра. Удавшийся флирт — это подтверждение тому, что мы еще молоды и живы, а вовсе не низменное желание подхватить хламидиоз. Поэтому и трахаться в итоге вовсе не обязательно — все опять-таки зависит от женщины. Точнее, от того, кто она.

В роскошной молодости мы любили только очень красивых женщин, в зрелости — только молодых. Лишь став настоящим мркчиной, мы обожаем только тех, которые обожают нас. Я совершенно уверен: это и есть настоящая красота, часто не бросающаяся в глаза за ненадобностью броска. Но вне зависимости от сегодняшнего выбора мужчина ищет тот самый трепет в сердце, жаждет пожирания глазами ароматной женской плоти и с радостью рискует получить этот пендаль под простату. Плевать, что вам рке крепко за сорок или за шестьдесят. Если вы Настоящий Мркчина, женщины никогда не станут для вас холодной частью натюрморта, оставшись именно полыхающими портретами!

Так что когда тетка шипит на дядьку: «Кобель», она скорее делает ему комплимент. Может еще, молод еще, активен и весел. Поэтому мухи, возможно, и летят на говно чаще, чем на мед, но никогда — на уксус или дуст. Мужчина просто создан для любви, потому что ему остро необходимы основания для идиотских поступков, без коих он превращается в бесполого бюргера, винтик бездушной машины построения немецкого благосостояния. Нет уж — нах!.. Любовь — это всегда форма латентной шизофрении. Чем выше температура кипения дерьма в затылке, тем больше есть что вспомнить. А зачем нам женщины, которых мы забыли? Я не ем мясо без перца.

Если я не буду тренироваться, то у меня будет куча бесполезного времени и я начну пить спиртное и глазеть на девиц с блудливыми глазами, но домой — ни ногой, потому что САМЕЦ!

Что лучше: дядька на тренировке или дядька в бане с водкой и балеринами?!

Вопрос риторический специально для ядовитых жен!

Наивные, самонадеянные тетки, настаивающие на должности хранительницы очага, даже не представляют, насколько с годами они превращаются в «кочегаров». Тех самых, которые свято уверены в том, что именно от них зависит и тепло в доме, и свет в окнах. Женщина, погрязшая в бытовухе и почувствовавшая себя главой семьи, — это худшая пародия на мужчину. Это самый простой и быстрый способ убить его эрекцию, если он, конечно,

нату- рал и не мазохист.

Не приемлю до брезгливости насилие в отношении женщины.

Одна восторженная дуреха в процессе бурного соития просит:

— Ударь меня, милый, ударь.

А я думаю: ну вот ударю я эту курицу, а труп-то потом куда?..

К моему большому сожалению, женщины в подавляющем большинстве мазохистки. Даже самые жаркие поцелуи не заменят им подзатыльника, который является для них намеком на то, что трусы рке можно снимать. Не будет считаться, что я вроде шлюха — это я просто поддалась грубой силе. Так вот мерзость все это, даже если и игривая. Насильники — именно поганые твари. Кастрировал бы, не моргнув. Да и тетки тоже хороши.

Больше всего терпеть не могу идиоток. Они инициативные архитекторы порыва собственного ануса. Грубо? Но честно!

Не пью, не легок с дамами. Всем вру, что триппер, — все верят, водку не наливают, попой не крутят, а я потренируюсь — и спать!

Ни разу не вспыхнув
ни вздохом,
ни словом,
не выдав ни звуком, меня покидает
вселенная, та,
что Тобой называю.
Растаяли волосы,
губы исчезли,
иссяк даже запах в траве предрассветной.
Как странно, что помню лишь жаркую кожу
и блеск твоих глаз
океаном безбрежным…

Настоящая любовь, как и жизнь, всегда одна.

Жизнь человека — это очень смешная вещь, по глубине юмора она превосходит даже безграничную по определению человеческую фантазию.

Он не уставал удивляться правильности подхода дзэн в философии и мировосприятии. Субъективно-идеалистическая мысль утверждала, что мир, окружающий человека, — это всего лишь его фантазии и иллюзии, одному ему присущие и, очевидно, нужные. Это что-то вроде счастливого или ужасного сна. Когда-то он увидел женскую спину, поворот головы и понял, нет, остро осознал: это — его Женщина. Просто очаровать девушку и просто обменяться жидкостями никогда не представляло для него особого труда в силу природной

болтливости и благоприобретенной сексуальной агрессии. Но разглядеть со спины, с расстояния в пятьдесят метров одним по-настоящему уцелевшим глазом ту, которая одним только вздохом сведет с ума и заставит час за часом трахать, закусив губу и рке плохо понимая, как можно вообще не трахаться, когда рядом ОНА.

Он совершенно не сможет описать лица, постоянно вновь удивляется мелодичности голоса, но болезненно остро помнит запах волос и то электричество кожи, которое пробивало насквозь от одного прикосновения.

Фотография — бред, она ничего не передает, кроме застывшей кукольной реальности, но Она — даже не человек. Вспомните, как трудно удержать в руках чашку с горячим шоколадом, еще труднее выпить, но невозможно не пить.

Это не было сексом в полном смысле этого слова. У секса есть мотив и желание его реализовать, здесь же присутствовала невозможность поступить иначе. Если бы сердце остановилось где-то «по дороге», то он не был бы удивлен. Торопиться не хотелось, не хотелось «это делать», хотелось жить внутри друг друга, чувствовать влажное тепло ее тела, пьянящую пульсацию вены на ее шее, чувствовать нереальный по красоте сосок ее груди у себя на губах.

О чем может мечтать человек, в выдуманном мире которого появилось столь фантастическое существо? Только об одном — чтобы это не повторялось в вариациях больше никогда. Лучше рке не будет, потому что не может быть лучше, а хуже не нужно, потому что либо рке только так, либо никак вовсе. Благодаря ей, ему уже были не нужны красивые женщины, «дерматин», который лишь хлестнет грязной тряпкой разочарования по потухшему лицу идеалиста-идиота. Как и чем можно заменить губы и руки, доводящие до комы, когда кажется, что если сейчас ткнуть пальцем, то обязательно взорвешься, забрызгав лучший из миров своей, наверное, не самой умелой нежностью в смеси с соком простаты и семени.

Надеяться, мечтать, требовать и — о ужас! — просить о встрече с подобным существом — все равно, что умолять о жизни, стоя на коленях и распуская сопли. Ирония, с которой «матрица» обошлась с ним, вполне в его же духе. Жестокий, грубый и безумный человек был взят за то место, о котором он всерьез не думал никогда, и с размаха кинут в самое пекло собственных, а от этого невыносимо ужасающих, переживаний. Тот, кто сказал, что любовь легкое чувство, — счастливчик, он никогда не любил по-настоящему.

Самураи эстетствовали, упражняясь в любви на расстоянии.

Скорее всего, с трудами Платона они были мало знакомы, но тем не менее верили, что, не раскрывая своих чувств перед объектом нежной страсти, они сохраняют их глубокими и непорочными, а побуждения — возвышенными. Ветка сосны, переплетенная с сакурой, — благородство намерений, переплетенное с скоротечностью и мимолетностью жизни. Невозможно не сгореть в этом пожаре, даже имея столь высокие мотивации.

Опавший лепесток
Уже подхвачен ветром.
Случайный взгляд
Теплей прикосновения.

Я смею вас заверить в том, что прожил весьма забавные сорок четыре года на этой угрюмой планете. Когда этот отдельно взятый примат начинает рассказывать о делах давно минувших дней, то на мордах собеседников читается или легкое недоверие, или неприятие, или искреннее удивление людей, уже не верящих в запредельные страшилки.

Мой большой друг и уважаемый мэтр Саша Скалозуб сидел у меня на кухне и вдруг говорит:

— Андрюха, мы вроде одногодки с тобой, а ведь ты старик уже. Я просто пацаном себя чувствую, и дело не в этапах Пути — все мы где-то были, — а в том, что вынес из него.

А как тут не «вынесешь», когда…

Ну как можно было отыскать столько сточных канав, заброшенных помоек и озер с нечистотами, чтобы столько раз, будучи движимым какими-то благими порывами, окунаться, пачкаться и потом смердеть от прикосновения к себе подобным?!

Человек — существо социальное, и он вынужден жить в стае, где размножается и перепоручает специально обученным людям шить ему одежду, готовить ему пельмени из кожзаменителей, собирать ему авто и даже стричь ему патлы, если зарос. Мы думаем, что люди, нас окружающие, нужны нам именно для этих вполне обывательских целей, то есть для текущих нужд и треб. И страшно удивляемся черной неблагодарности не заметивших нашей особенности бульдозеров, которые прокатились по нашей судьбе, не моргнув глазом.

Только за последнюю пару-тройку лет я потерял кучу людей — именно потерял в необратимом смысле этого слова. Видимо, подобное тянется к подобному, и мои товарищи гибнут на войнах, падают в драках и не выживают в схватках с судьбою, что вполне по-мужски. Пусть интеллигенты мнут сиськи в поисках сглаза и плохой экологии. Мужчина живет весело и уходит легко!

Так что мне казалось, что я умею терять близких… Казалось!

Оказалось, что многому еще предстоит научиться.

Какие еще мучения должен преодолеть Дух, чтобы, взглянув в зеркало поутру, Мужчина мог прошептать себе: «И это я смог, и это я пережил… Нет! Победил!»

Мы созданы для победы над собой. Я всегда считал, что состояние ежедневного подвига — это высшая добродетель. Только это бдение способно закалить Дух, очистить помыслы и стяжать полезность для своей страны, своего народа и своих близких, часто в ущерб себе самому.

Никогда Господь не наказывает нас, но посылает нам испытания для тренировки нашей воли и проверки нашей чистоплотности.

Кто-то готов на низость и подлость ради достижения своих целей, вспоминая заветное «цель оправдывает средства», но как омерзительны эти пресмыкающиеся! Гений и злодейство не совместимы! Эти слова Пушкина давно не давали мне покоя. И не то чтобы слово «гений» мозолило мне мозг, но злодейство и добро тревожили разум, качаясь на весах. Нет, не могут они проистекать друг из друга.

«К чему все эти сопли?» — спросите вы меня, а я отвечу вам:

— Уважаемые, сколько бед мы с вами натворили, перешагнув через близких и незнакомых, через огромные беды и мелкие неприятности, не встряв в историю, где могли бы сыграть ключевую роль, и оставшись там, где наш эгоизм сделал больно любимым нами людям.

Самое важное, что обязан уметь человек, — сделать выбор не в пользу своего мечтания, хотения или прихоти, **но в пользу того человека,** которого Господь послал ему как экзаменационный билет.

Сможешь ли забыть о себе любимом, сможешь ли заткнуть свое обожаемое «Я» себе в задницу, и лишь потому, что, **может быть**, это усмирение собственных амбиций поможет человеку сделать еще один шаг в этой жизни или хотя бы поверить в то, что не все в этой жизни подчинено алчности и себялюбию?

Именно с этого момента начинается Воин, а вовсе не с умения бряцать оружием!

Сильные люди — добрые люди! Я повторяю это всегда и не устану!

Мнение мое — и необязательно правильное! Так… Накатило… Пойду и нажрусь — душа ноет, как простреленное колено!

Синяя жилка нервно

Бьется под тонкою кожей.
Я не дарил Тебе вербы —
Куда мне, с моей-то рожей.
Я не дарил Тебе солнце,
Я не дарил Тебе ночи.
К чему Тебе эти подарки,
Живешь Ты сама, как хочешь.
Пиши мне о том, что было,
Пиши мне о том, что будет,
Пиши мне о том, что больно,
О том, что вряд ли забудешь.
Тонкая жилка нервно
Бьется сильней, но все же
Пиши мне, как только вспомнишь.
Не видишь меня, так что же…

Обещал не хворать?! Не помню я таких обещаний… Вы, видимо, не знакомы со мной — этот уродец иначе как на зубах даже о маме не вспоминает. Никогда себя не жалел и терпеть себя не могу, поэтому и изгаляюсь как ни попадя. Старики верно говорят: если сердце не порвалось там, где должно было порваться, на кой член мне такое сердце! Если в груди не забит гвоздь, если человек может дышать там и тогда, где и когда уже пора задохнуться, — с чего он взял, что он человек?

Нет, пацаны, если вам пришел пендык и что-то в жизни перекосилось, то делай что должно и будь что будет! А слеза, стекающая по мужской щеке, — это то малое, что мы еще можем себе позволить.

НО НИКТО И НИКОГДА НЕ ИМЕЕТ ПРАВА УВИДЕТЬ НАШУ СЛАБОСТЬ, ХОТЯ БЫ ПОТОМУ, ЧТО МЫ УЖЕ ДАВНЫМ-ДАВНО ЗАДУШИЛИ ЭТОГО ЗВЕРЬКА!

Сожалеть и оглядываться, цепляться и малодушничать… Даже для женщины это мерзко. А ведь мы те, в кого должны верить дети этой страны! Мужчина, оказавшийся в точке принятия решения, смотрит вокруг, видит самый тяжелый сундук и, не спросив, чье это, взваливает его себе на плечи. Ну не на женщин же его взваливать, не на дрищей тонконогих?! Не так много нас осталось, так кому же еще, если не нам, тащить то, что не под силу более никому.

Жизнь дала трещину и стала похожа на жопу. Бурятка улыбнулся и сказал: «HOME, SWEET HOME. Я в ней, в жопе, всегда и жил!»

Хотя мне казалось, что я все уже знал и победил, оказывается,

есть еще что-то такое, что может удивить меня силой удара. Но лысого хрен с ног собьешь… Живого, во всяком случае.

Когда весенняя трава
Или осенняя прохлада
Напоминаньем обо мне
Коснется ног твоих нежданно,
Ты улыбнешься и вздохнешь.
Как хорошо, он где-то рядом…
И наплевать на целый мир,
Завистливо дышащий ядом
Не интересно и насрать
На все, что не про нас с Тобою.
Все бури минут, ну а мы
в обнимку с трудною любовью…

Матерь Божья Пресвятая Богородица, спаси нас!

Вы знаете, почему на Руси особо почитается Богородица? А потому, что русский мужик всегда был пьющим и буйным. После драки и с похмелья совать рожу к Спасителю — и стыдно и грешно, а Мать — она и есть Мать. Уж какой ты ни будь, а к ней никогда не стыдно.

Я тот, кто я есть, я жру водку, дерусь, когда считаю, что не драться нельзя, не молчу, когда ситуация требует правды, и молчу тогда, когда моя правда никому не нужна. Обычный русский мужик с явно монгольскими чертами «тяпки», яркий представитель быдла, которое в своем подавляющем большинстве и заселило эти гигантские просторы.

И вот этот самый идейный маргинал даже в дурном сне не мог представить, что когда-либо подпустит к своей грудной клетке кого-либо ближе, чем на взмах рукой… потому что клетка эта на то и клетка, чтобы не выпускать наружу «богатый внутренний мир».

Но, видимо, час пробил, звезда пошатнулась и перешла в иной градус, Господь сверил часы и сказал: «Пора».

История, приключившаяся со мной, настолько «не моя», что поразила меня гораздо больше многих эпохальных событий. Но дело не в сути событий, а в выводах из них…

Что есть женщина для настоящего мужчины? Надеюсь, ваша матушка в добром здравии? Так вот, материнские руки до гробовой ее доски будут заслонять вас от дождя, комаров и злых глаз.

Никогда, не забуду, как у меня сжалось сердце, когда в девяностых мама увидела, что я сплю с пистолетом под

подушкой, и начала меня крестить в окно, наивно полагая, что выключенный свет не оставляет ее испуганного силуэта.

Мать — это то, порой единственное, что остается святого даже в конченом негодяе! Поэтому мы, пожалуй, единственные приматы, которые помнят своих родителей ВСЮ ЖИЗНЬ!

Надеюсь, Господь смог подарить вам дочь? Мальчишки слишком кобельки, чтобы разбудить в отцах настоящие родительские чувства, но девочки… Это именно то, что готов прикрывать спиной, даже если голова рке будет отстрелена и сердце перестанет биться. И тут даже безразлична природа этого явления, тут важна его трепетная причина Ничто так не сжимает сердце, как детская ладошка на небритой щеке и серьезное бормотание про какие-то сюрреалистические девчачьи проблемы.

Но женщина, та самая Женщина, которую Господь может послать вам только раз в жизни, а может и пренебречь вами в этом смысле, — она совершенно не вписывается в бытовые определения. Она не дочь и уж точно не Мать, она даже не любовница — Боже упаси! Это именно она способна стать тем идеальным образом, о котором вы робко мечтали еще в юности и присутствие которого смутно ощущали где-то рядом все эти долгие годы.

Я не про феромоны и не про 90–60—90. Совершенно насрать, как именно она выглядит, потому что это ТА САМАЯ ЖЕНЩИНА, которая повяжет свой шарфик на ваше копье, и вы скорее сдохнете в самой бездарной свалке, чем хоть на одну слезинку уроните себя в ее глазах. Мы грубые и часто по- хорошему самовлюбленные идеалисты, свято верящие в такую нелепость, как перманентное доказательство миру своей дееспособности и значимости.

КАК ЖЕ МИР УСТАЛ ОТ НАС!..

Да пошел он в зад со своей усталостью, уж лучше пусть трещит от нас, чем лоснится от педиков и слюнявых истеричек с ошибочно приставленным членом. И вот эти самые дурболаи совершенно разнузданы до тех самых пор, пока рядом не появляется Та, ради которой начинают смотреться в зеркало, драть волосы из носа и принюхиваться к подмышкам. Та, которая сумела разглядеть, что же именно скрывается за этими убогими чертами, солдафонскими выходками и звероватыми формами, понявшая, что есть жизнь для нас с вами, и не попросившая при этом больше не свистеть, не бегать по столам, не домогаться в пьяном виде до милицейских и не лезть в драку лишь потому, что вас обозвали козлом, ну или еще какой-никакой хренью.

Многим ли повезло встретить такую Женщину?

Молчите… Вот и я раньше молчал… Потому что милые дамы

лишь в период влюбленности милы и снисходительны, а когда они отчетливо отождествили вас со своим очагом, ВЫ ПРЕВРАЩАЕТЕСЬ В СУЕТЛИВУЮ ЧАСТЬ ИНТЕРЬЕРА, что их совершенно очевидно раздражает.

Не уходите навсегда,
Ведь это слишком длинный срок.
Растают глыбы изо льда,
И пробежит ладонь песок.
Но не уйдите навсегда,
Оставьте шанс коснуться вновь
Той, что безумием полна,
Ту, что отравит страстью кровь.

Та самая Женщина не имеет права стать кастрюлей, мятой подушкой или поделенной зарплатой, потому что в этом случае она уже не повяжет тот самый невесомый шарф на ваше копье — или повяжет, да вы этого не заметите. Не дайте пошлой бытовухе испачкать тонкие материи судьбы. Мечта не может пить кровь или устраивать «поедание мозга», или вы ошиблись в своих мечтаниях.

Мужики, нам нужны женщины, знающие, зачем и почему мы такие, какие мы есть.

Одна беда… Где тот дурдом, где держат этих специально выращенных для нас красавиц? Наша Женщина есть и будет рафинированной мечтой, безумным желанием, той целью и той Надеждой, которая если и сбудется, то только через тот самый подвиг, о котором я сумбурно талдычу.

А пока… Мужчина должен узнать про себя много нового в части крепости Духа и Воли. Уж лучше начать отрезать себе пальцы, благо их много, чем, даже пускай невольно, задеть судьбу той, которая, возможно, и не нуждалась в вас никогда, но сумела разбудить тот самый камень в груди, оказавшийся кипящим базальтом.

Примем же с благодарностью благую весть о существовании нашей Мечты, исполнимся Надежды и станем лучше там, где многие превратились в ничтожества!

А для чего еще Господь посылает нам такие жестокие послушания?! Именно в эти тягостные времена Душа становится именно тем, что приобретает истинную цену.

Не пей воды, стекающей из глаз,
Убойся отравиться эти ядом
Хотя…

К чему вся это пышность мелких фраз.
Как жаль…
Но счастье задохнулось где-то рядом.

Мы не созданы ни для чего, кроме боя. Совершенно очевидно, что мы сами сделали себя такими.

Это как муравьи-стражники, которые могут убивать или не убивать, но им не суждено сделать кого-ли- бо счастливым…

Но Великое Время идет, и только Небеса знают, что будет в эпилоге. Поэтому я не верю в случайности, ну не из садизма же со мной так…

А дочери — это реально то малое, что всепрощаемо и обожаемо до неприличия… Причем это касается всех, кого я знаю. Порой настоящие монстры превращаются в уси-пусиков, да еще таких, что и смотреть как-то неловко. Господь совершенно очевидно пытается исправить жестокость своими, надо сказать, остроумными методами!

Банда малолеток с монтировками в руках не в состоянии так разбить вам голову, как это может сделать приличная на вид дама.

Милая, глупая девочка,
Я же люблю тебя.
Ты, как апрельская веточка,
Долго была моя[1]

Вместо эпилога. Щенок бультерьера

Он был маленьким и умильным, как плюшевые пародии на зверят в магазине игрушек. Мягкая, велюровая, ослепительно белая шкурка лоснилась, и лишь на глазах игриво разместились два черных монокля, делая его похожим на японского офицера — узкоглазого очкарика из кино про Халхин-Гол.

Это был мой Олаф — долгожданный щенок бультерьера. Мальчик, родившийся от мегачемпиона мира Бриза и знаменитой Рипли, взбалмошной бультихи, которая лазила по наклоненным деревьям, уничтожала кошек и нападала даже на детские велосипеды.

Полное имя моего пса было Олаф каас де Клер, но мы звали его просто Олаф, а потом Олафацик, а приглядевшись к его повадкам, стали звать просто Фацик.

Взрослые собаки никогда не кусают щенков. Они могут что-то напутать и кинуться к малышу, приняв его за мелкого соперника, но, тут же учуяв детский запах, смущаются и стыдливо отбегают в сторону. Это касается всех собак… исключая щенков бультерьера. Что тому виной, сказать трудно, очень может быть, что столь странного вида животные были получены не вполне обычными методами селекции. Может быть, уже в детском возрасте от них пахнет будущей агрессией — все может быть. Нам трудно — если вообще возможно — это постичь.

Но факт остается фактом. На собачьей площадке взрослые кобели рвали моего пятимесячного щенка в мелкие лоскуты с самого первого дня. Он огрызался как мог, не скулил и не рычал — он именно кричал от ужаса и боли, клацая еще детскими зубами.

— Ты чего не остановишь — убьют ведь собачонку?

— Чей это овчар, пусть тот и останавливает. Моего не убьют!

После первых прогулок я нес Фацика на руках, перемазавшись кровью. Квартира начинала напоминать фронтовой блиндаж. Промывание ран, повязки, уколы и прочие чудеса полевой медицины. Так, без особых изменений, мы гуляли буквально месяцев до десяти. Как-то постепенно количество нападений уменьшалось, потому что щенок явно возмужал. Он еще не мог оказать реального сопротивления взрослому ротвейлеру или доберману, но уже мало походил на затравленного мальчика для битья.

Пса звали Рой, это был тот самый кобель немецкой овчарки, который порвал Олафа в самый первый раз и драл его с периодичностью письма из армии, то есть раз в неделю. Он то ли

был вывезен летом на дачу, то ли гулял некоторое время на другой площадке, но они не виделись около трех месяцев.

Перемены, произошедшие с Фациком, никак не поменяли привычек Роя. Обоссав все самые козырные углы и гордо пройдя посередине стаи резвящихся псов, он вдруг резко кинулся к угрюмо стоящему в стороне булю. Сознаюсь, у меня сердце сжалось. «Да сколько же можно?!» Не успел я это процедить сквозь зубы, как увидел то, что потом долгие годы сводило меня с ума.

Вы видели, как дерутся бультерьеры? Нет, не матерые и гибкие питбули, не хитрые алабаи и не тяжеловесные кавказцы? Вы видели, как атакует сгусток энергии высотой с детскую табуреточку и с пастью в треть собственного размера?!

Рой не успел даже припасть на лапы, он только дернул головой в сторону Фацика, как тот, не издав ни единого звука, взорвался, взлетел с четырех лап и буквально сшиб овчарку ударом пасти, схватившей добрую половину головы противника. Рой был могучим псом, он сумел встать и попытался стряхнуть Фацика, но тот начал буквально пережевывать его голову, раздирая череп рывками в стороны.

Хозяин Роя сначала опешил и вдруг резко превратился из самодовольного увальня в плаксивую истеричку.

— Остановите, прекратите, хватит — убьет ведь!

— Не убьет. Моего же не убил за эти полгода…

— Стоп, стоять!

И вдруг мужик начал бить моего пса ногами и рубить по голове металлическим поводком, сделанным из тонкой цепи. Я даже не успел сообразить, как именно оказался рядом. Окровавленный Фацик рвал визжащего от ужаса Роя, а я пинал осевшего и мычащего хозяина.

— Не надо собачек по глазам цепью!.. Не надо, нехорошо это! Забирай свой кусок позора. Ему нужно полбашки на место пришить. Если нужны деньги на операцию, вот мой номер, по нему же можно меня найти, если у нас остались какие-либо проблемы.

Ему было тогда чуть больше десяти месяцев, по собачьим меркам — взрослеющий подросток, он шел домой с таким ликованием, так крутил изрубленной головой, что казалось, он кричал: «Это мой мир! Я получил право в нем жить!»

Я никогда не стравливал собак, считая это извращением и неоправданной жестокостью. Но и не разнимал собак, если с той стороны был достойный пес, а не коврик прикроватный. Псы сами решат свои дела — кто дал мне право мешать им это сделать?

После этой первой драки Фацик дрался, как гладиатор.

Причем, в силу нордически-тормозного спокойствия, он не задирался, а всего лишь моментально реагировал даже на мимолетную агрессию в свой адрес.

Однажды его придавил к земле и схватил за голову огромный кавказец, причем вся голова буля поместилась в пасти овчарки. Я опять-таки не вмешивался, хотя кавказец явно пытался сломать Фацику шею, крутя и прижимая туловище к земле. Буль просто хрипел, но это был голос именно ярости. Я слышал это и, как ни суетились вокруг собачники, стоял и молчал — сами разберутся.

Через пару минут кавказец задохнулся и как- то обреченно выронил голову противника из своей необъятной мясорубки. На землю упал не пес, на землю выпал воплощенный ужас, просто дух боя. Вся морда Олафа была в крови и слюне, мокрая шерсть стояла дыбом, разодранные глаза превратились в окровавленные щелки. Казалось, от дикого напряжения собака стала просто чугунной и раскаленной.

Перестав хрипеть, Олаф приземисто осел, встряхнул головой и вдруг рванулся вперед, как снаряд. Кавказец, приняв удар, пошатнулся и попытался подставить бок, пряча голову и горло. Пролетев мимо горла, буль оказался у задней ноги и, ни секунды не раздумывая, вцепился в основание хвоста. Пес обреченно пошатнулся и упал кульком, все, включая меня, кинулись ему на помощь.

Я придушил Олафа поводком и снял с противника. В итоге хвост у кавказца купировали, он был сломан… А мой боец при прочих резонах выбирал для атаки именно основание хвоста.

Нравилось ли лше, что мой пес дерется? Если совру, что нет — не верьте, я точно знал, что он победит, хотя практически во всех эпизодах он был и легче и мельче тех ротвейлеров, овчарок и алабаев. При этом меня очень радовало, что он никогда не лаял, не рычал и не провоцировал собак на драку.

Они обнюхивали его и вдруг поднимали шерсть дыбом ОН ПРОСТО БЫЛ ДЛЯ НИХ ДРУГОЙ — он был чужой для всех! Окружающий мир не хотел его — он был либо один, либо дрался. Так дошло до того, что при нашем появлении бравые собаководы собирались домой, утаскивая на поводках своих явно не декоративных псов. А на выставке эксперты давали первые премии и, вздохнув, всерьез обещали снимать их, если добавится еще один шрам, совершенно очевидно предполагая, что я зарабатываю деньги на собачьих боях. Но Олаф был моим братом. Делать деньги на крови близких — это мерзко!

Была середина девяностых — лихое время. Я вынужден был уезжать в Питер, жил там, где попало, сам как дворняга — впору завыть. Фацик остался жить с моей мамой. Он очень тяжело

переживал мое исчезновение, но мама есть мама. Она таскала его на длинной веревке, не давала драться и все норовила сходить с ним в лес, подальше от собак, где такой фейерверк запахов и звуков.

Олаф был счастлив. Однажды на лесной опушке они повстречали девочку-бультиху и ее хозяина.

Олаф как-то даже растерялся, настолько хорошенькой была эта белая самочка. Они подружились, а хозяин девочки очень высоко оценил экстерьер и характер нашего пса. Оказалось, он заводчик бультерьеров и живет буквально по соседству.

— А где хозяин?

— В Питере, не до собаки ему..

— Тяжело женщине с таким-то терминатором. Килограммов сорок, наверное, весит, да и, судя по шрамам, далеко не скромник?

— Тяжело, но что делать, любим мы его…

— Надумаете продать — куплю за хорошие деньги, а если вдруг дадите повозиться с ним, буду благодарен. Редкий пес — обожаю бультерьеров!

Разговор был ни о чем и забылся сам собой. Никто и никогда нашего пса не продал бы.

Но вот в конце лета моей маме-пенсионерке предложили путевку в санаторий — событие для нее не рядовое, потому что кому нужны сейчас наши старики, да и здоровье с годами утекает, как песок между пальцев. Мама хотела было отказаться, потому что совершенно не представляла, куда девать Фацика, как вдруг вспомнила о давнем разговоре.

— Помните, вы предлагали собачку на время взять? Мне путевку предложили на десять дней, не выручите?

— Более чем выручу. У меня совсем недавно собака погибла под машиной… Тоскую дико, а так хоть отдушина, поиграем, откормлю вашего богатыря — не узнаете. Не волнуйтесь. Давайте так. Я его возьму дня на три — посмотрим: если все нормально, то езжайте с Богом, не переживайте.

— Вот и славно! Жаль вашу девочку — хорошенькая была.

— Не то слово… Приводите быстрее!

Запах знакомой девочки просто свел Олафа с ума, он был весел, подвижен, бегал по квартире и упивался скорой встречей. Прошло три дня, временный хозяин и Фацик души не чаяли друг в друге.

— Ну что ж, поезжайте — все нормально

— Спасибо, я позвоню дня через три-четыре.

— Звоните, не беспокойтесь. Мы нашли общий язык. Не такой уж он сумасшедший, как про него слухи ходят.

Мама уехала наутро.

Мы очень далеко ушли от природы, потеряв возможность находить дорогу по запаху, различать важное в темноте и слышать сердцем тех, кто нам дорог.

Олаф как-то тяжело проснулся, встал и вдруг отчетливо понял, что ЕГО БРОСИЛИ! Он не стал суетиться, судорожно искать меня или маму, он обреченно опустил голову и отказался от прогулки. Потом он угрюмо лег и, тяжело дыша, уставился в одну точку. Ни вода, ни пища его уже не интересовали.

Жизнь перестала иметь смысл, когда то, что БЫЛО ЕГО СЕМЬЕЙ, оставило его. Он как настоящий Мужчина просто не умел жить для себя.

Когда к нему подходили ближе, чем на шаг, он, не поворачивая головы, глухо рычал, да так, что не оставалось сомнений — еще шаг, и он убьет любого, кто посмеет прикоснуться к нему. Он уходил — уходил страшно, сгорая изнутри тем жутким огнем, который оставляет зияющую дыру вместо сердца.

Он так и не поднял головы. Через три дня его не стало…

Не предавайте нас.

Мы странные. Мы умираем, когда нас предают. Бывает, что агония длится годами и вчерашние кумиры татами и ринга тихо спиваются, забытые ветреными поклонниками и брезгливыми родными, у которых, оказывается, так много оснований нас ненавидеть.

Нам ничего не надо в этой жизни, кроме Веры в ТО, что мы делаем, и в ТЕХ, кто рядом. Забери у нас один из этих костылей, и мы рухнем без надежды на реанимацию.

Вы хотите стать бойцом — вас влекут победы и ликование, вы хотите стать лучшим из лучших. Вы хотите ЭТОГО?! Подумайте, какую цену придется вам заплатить, потому что вы станете чужим для подавляющего большинства НОРМАЛЬНЫХ людей. Вместо обожающих вас глаз вы найдете тысячи завистников, менее удачливых, чем вы, ждущих вашего поражения, а не находя его, готовых выдумать любую мерзость, лишь бы унизить вас хотя бы так.

И не дай вам Бог упасть… А вы обязательно упадете в конце этого Пути! Как падали ВСЕ до вас!

Вы готовы к этому? А зачем это вам? Ответьте себе на этот вопрос — ответьте честно и найдите в ответе ВЫСШУЮ ПРИЧИНУ. Потому что без нее вам суждено однажды лежать, глядя в одну точку, понимая: ВСЕ КОНЧИЛОСЬ. Вы просто ошиблись когда-то. Вы никому не нужны. Как уже раздражает всех великий Тайсон, которому не повезло разбиться на самолете,

как Рокки Марчиано.

Драка ради драки — психическая болезнь. Отсутствие любимых глаз, верящих в тебя, — приговор.

И все-таки вы решились? Тогда ВПЕРЕД — и ТОЛЬКО ВПЕРЕД! Отсутствие выбора крайне упрощает выбор! Бог милостив к идиотам… Аллилуйя!

Люди! Пожалуйста, любите нас. Мы пугающие, нелепые существа, исполненные дебильных добродетелей и стремящиеся к идиотским ценностям.

МЫ БОЙЦЫ! Простите нас за это.

Господи Иисусе Христе — спаси нас!

Мысли, слова и жизнь, описанная в этой книжонке, мои — и не обязательно правильные. Не судите меня строго — никто не совершенен.

С уважением ко всем и всему,

А. Кочергин www.koicombat.org

P. S. По ком звонит колокол

Каждое утро просыпаюсь с приятным предвкушением тренировки, жизнь в последнее время все чаще испытывает меня на прочность, причем именно «…по силам вашим». Так что единственная настоящая отдушина — мое КАРАТЭ. Как мне хорошо и уютно на татами, куда пропадают эти жуткие ожидания беды и осмысление уже совершившихся мерзостей. (Впрочем, мы без всяких сомнений заслуживаем то, что получаем, — кто-то как оценку сделанной ошибки, а кто-то для укрепления Духа и чистоты помыслов.)

В общем, пребывая в предвкушении приятного, иду и — сознаюсь — представляю, как я сейчас выгляжу: сбросивший двадцать килограммов, возмудевший и похужавший. Приятно, когда работа еще и видна…

Иду, сам собой довольный красавец, мимо металлического забора в самых мажорных настроениях. За поворотом вижу трухлявого и неопрятного деда — бомжа, буквально висящего, держась одной рукой за прут этого самого забора.

«Денег надо дать, если мелкие есть», — первое, что приходит в голову.

Дедушка тем временем пытается поговорить с девочкой молоденькой — та замешкалась и как-то бочком… Стесняется уйти…

— Батя, ща гляну… Если мелкие есть — дам, если нет — не обессудь.

— Да не нужны мне деньги — дойти помоги, не дошагать мне…

Он был очень грязным, видимо, спал в подвале дома прямо на земляном полу, на бородатом лице намерзли сопли и слюни, от него пахло, как пахнет в привокзальном туалете.

А у меня тренировка через десять минут, мне спешить надо, меня люди ждут, да и деньги в кошельке только крупные — ну не давать же ему 500 рублей с бухты-барахты?! Опаздываю я, опаздываю…

Я повернулся и пошел, девица так и не могла уйти, потихоньку пятясь от деда, не решаясь повернуться сразу. У меня тренировка, а он грязный и вонючий, а деньги только крупные, а времени нет, а он грязный, да я и не должен…

Дед сиротливо висел на железном пруте, висел, как забытая на заборе половая тряпка, которую проще не заметить, чем придумать, как использовать ее ветхое тело.

— СТОЙ, ТВАРЬ, ОГЛЯНИСЬ! КТО ТАМ ВИСИТ?! КТО ЭТО?

От этого голоса в голове у меня буквально ноги подкосились. Я обернулся.

— КТО ЭТО? КТО ЭТО?! ДА ЭТО ТЫ, ПРИГЛЯДИСЬ — НЕ УЗНАЕШЬ?! КТО СКАЗАЛ, ЧТО ПРОЙДЕТ КАКИХ-ТО ПАРУ ЛЕТ ИЛИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ И ТЫ НЕ БУДЕШЬ ВОТ ТАК ЖЕ ВИСЕТЬ, ВЦЕПИВШИСЬ БЕЛЫМИ РУКАМИ В МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПРУТ?! КТО СКАЗАЛ, ЧТО ТЫ ПОЖИЗНЕННО ЗДОРОВ, ВЕСЕЛ И ДАЖЕ ЕСТЬ НА ЧТО ПОЖРАТЬ? КТО СКАЗАЛ, ЧТО ЭТО НЕ КОНЧИТСЯ ЗАВТРА, КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ УВЕРОВАТЬ В СВОЮ НЕПОТОПЛЯЕМОСТЬ? ПРИГЛЯДИСЬ к этому ДЕДУ — ВОТ КТО ТЫ!

Я с ужкасом подумал, что мог пройти мимо, я мог убедить себя, что мне не по пути с этим человеком, который все утро не может понять одного:

— НУ ПОЧЕМУ Я НЕ СДОХ ЭТОЙ НОЧЬЮ, НУ ЗА ЧТО МНЕ ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ?!

Чуть не захлебнувшись слезами ужаса, я выдавил из себя:

— Батя, а куда тебе?

— К метро мне надо…

— Это далеко очень… Думаю, больше километра.

Он обреченно молчал

— Пошли.

Дед ничего не весил, идти он не мог совершенно, но мы потихонечку шли, у него сваливались брюки, и он держал их закоченевшими, синими руками.

— Всё — не могу больше, посади меня куда-ни- будь…

Я посадил его на оградку газона, вынул и отдал ему злополучную пятисотку. Немного постояв, виновато пошел. Обернулся. Дедушка сидел, уронив голову на провалившуюся грудь, — старый растерзанный жизнью человек, возможно, и виновный в том, что сидит сейчас на этой трубе в этих лохмотьях, а может, и не сделавший ни одной подлости в своей долгой жизни… Кто знает. Но он сидел и орал мне в лицо — своей отчаянной нищетой, запахом свой смерти:

— ЭТО ТЫ! ТЫ! ТЫ! ТЫ!

Нет и не может быть чужих детей, ну или у нас просто нет сердца!

Нет и не может быть чужих стариков, как бы оскорбительно они ни выглядели.

Господь открывает нам глаза на то, что должно, и он никогда не шутит — он очень серьезен.

Каждый из нас — в этом умирающем старике, в этой полоумной старухе, сидящей на асфальте, в этих беспризорных детишках. Ужас, дикий ужас живет в паре метров от каждого

вашего шага — не оступитесь, не пройдите прямо, видя, что именно в шаге от вас. Иначе Создатель сумеет обратить ваше внимание самым простым способом, в котором жизнь — это всего лишь листок бумаги с вашей историей, измять который и вытереть им жопу может даже просто равнодушный прохожий.

Меня всегда любили маленькие детки, бродячие собаки и городские сумасшедшие. Я стою у метро в спецназовской форме, а ко мне лезут поговорить нищенка и бомж-калека… Как радостно, что во мне осталась хоть крупица человеческого, впрочем, не мне судить и каждый узнает итог своего Пути — придет час.

Когда упал Вавилонский Столп, он придавил восемнадцать человек. Дерзкий дядька с издевкой спросил фарисея:

— Чем эти восемнадцать провинились более остальных?

— Ничем. Это были достойные люди

— Так за что же им такой конец?

— Если эти достойные люди приняли столь страшную смерть, то на что тогда могут рассчитывать самонадеянные грешники?..

Мир вокруг нас — это МЫ, в каждом окружаю- щем нас человеке есть наша частица! Мир этот не страшный, он просто грязный, начните уборку с себя, и поневоле он изменится — у него просто не останется иного выбора. Обрети Дух мирен, и вокруг сотни спасутся! Это Батюшка Серафим Саровский сказал. Верую в это искренне. Храни, Господи, всех нас!

Не спрашивай, по ком звонит колокол, потому что он звонит по тебе.

notes

1

К сожалению, не помню, кто автор. — А. К.